

АДАМ ТУЗ

ЦЕНА РАЗРУШЕНИЯ

Создание и гибель
нацистской экономики

Адам Туз

**Цена разрушения. Создание и
гибель нацистской экономики**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2006

УДК 94(430).086
ББК 65.9(4Гем)

Туз А.

Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики
/ А. Туз — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2006

ISBN 978-5-93255-543-9

Ключевое место во всех описаниях Второй мировой войны занимало представление о нацистской Германии как о неукротимом монстре, опиравшемся на высоко индустриализованную экономику. Но что, если на самом деле все было совсем по-иному? Что, если корни европейской трагедии XX века скрывались не в силе Германии, а в ее слабости? Из-под пера Адама Туза вышло первое за поколение радикально новое описание Второй мировой войны. Автор добился этого, уделив ключевое внимание экономике, наряду с расовыми отношениями и политикой. Принципиальную роль в мировоззрении Гитлера играло интуитивное понимание глобальных экономических реалий. Он догадывался, что относительная бедность Германии в 1933 г. была обусловлена не только Великой депрессией, но и ограниченностью территории и естественных ресурсов страны. Он предвидел становление нового, глобализованного мира, в котором Европа будет задавлена сокрушительной мощью Америки. Оставался последний шанс: европейское сверхгосударство во главе с Германией. Однако глобальный баланс экономической и военной силы с самого начала складывался совершенно не в пользу Гитлера, и именно с целью предупредить эту угрозу с Запада он бросил свои недооснащенные армии на беспрецедентное и в конечном счете обернувшееся крахом завоевание Европы. Даже летом 1940 г., в момент величайших триумфов Германии, Гитлеру все равно не давала покоя нависающая над миром угроза англо-американского воздушного и морского господства, за которым, по его убеждению, стоял всемирный еврейский заговор. Как только вермахт вступил на территорию СССР, война быстро превратилась в битву на истощение, не оставлявшую Германии надежд на победу. Из-за нежелания Гитлера, Альберта Шпеера и прочих признать это, Третий рейх был уничтожен ценой десятков

миллионов жизней. В книге Адама Туза читатель найдет захватывающий и ужасающий рассказ о потрясающих событиях, который заставляет нас новыми глазами посмотреть на нацистскую Германию и Вторую мировую войну. В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

УДК 94(430).086

ББК 65.9(4Гем)

ISBN 978-5-93255-543-9

© Туз А., 2006

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2006

Содержание

Благодарности	10
Предисловие	13
1. Введение	19
Часть I	46
2. «Каждому трудящемуся— по рабочему месту»	46
3. В отрыв	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Адам Туз

Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики

Adam Tooze

The Wages of Destruction

The Making and Breaking of the Nazi Economy

*Перевод с английского Николая Эдельмана
под научной редакцией Артема Космарского*

Второе издание, исправленное

THE WAGES OF DESTRUCTION

Copyright © 2006, Adam Tooze

All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2019

Графики и диаграммы

Рис. 1. Безработица в Германии в границах до 1938 г.

Рис. 2. Снижение золотых и валютных резервов Рейхсбанка

Рис. 3. Торговый баланс под давлением: импорт и экспорт по месяцам

Рис. 4. Разрыв в конкурентоспособности: цена отказа от девальвации

Рис. 5. Однобокое восстановление экономики Третьего рейха: производство тканей и средств производства

Рис. 6. Норма прибыли в немецкой промышленности, 1925–1941 гг.

Рис. 7. 42 года развития немецкой экономики при взгляде из 1933 г.

Рис. 8. Промышленные и сельскохозяйственные цены в Германии и в мире, 1929–1938 гг.

Рис. 9. Инфляционный дисбаланс между потребностями в финансах и доступными средствами с точки зрения современников

Рис. 10. Производство боеприпасов, 1937–1939 гг.

Рис. 11. Прогнозы по производству боеприпасов в Германии, представленные Гитлеру в июле 1939 г.

Рис. 12. Ввоз промышленного сырья в Германию

Рис. 13. Reichsbahn: работа в условиях перегрузок

Рис. 14. Производство вооружений в Германии, сентябрь 1939 – декабрь 1941 г.

Рис. 15. «Тихое финансирование» в действии 461

Рис. 16. Связь между добычей угля и производством стали: Франция, 1910–1944

Рис. 17. Численность рабочей силы и производство вооружений

Рис. 18. Инвестиционный бум военного времени: основной капитал немецкой промышленности

Рис. 19. Ежемесячные безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте, июнь 1941 – декабрь 1944 г.

Рис. 20. Производство боеприпасов и объемы выделявшейся на это стали

Рис. 21. Освоение производства Bf-109 на заводе Messerschmitt в Регенсбурге

Рис. 22. Конец «оружейного чуда»: два года производства вооружений при Шпеере

Таблицы

Таблица 1. Зарубежные займы: обязательства Германии по внешним долгам на весну 1931 года

Таблица 2. Статистика экономического роста в нацистской Германии

Таблица 3. Положение Германии в мировой экономике в 1930-х годах

Таблица 4. Сельская рабочая сила и земля

Таблица 5. Четырехлетний план: предполагаемые объемы расходов

Таблица 6. Каучук и железная руда: два приоритета Четырехлетнего плана

Таблица 7. «Демократические океаны»: расходы на ВМФ ведущих держав мира

Таблица 8. Профессиональный состав рабочей силы Германии в 1933 и 1938 годах

Таблица 9. Новый мировой порядок?

Таблица 10. «Горе побежденным»

Таблица 11. Друзья познаются в беде: мобилизация внутренних и внешних ресурсов в Великобритании и Германии

Таблица 12. Хрупкий угольный баланс в «большом пространстве»

Таблица 13. Балансовая ведомость MONTAN GmbH, 1938–1943 годы: инвестиции германской армии в промышленность

Таблица 14. Предполагаемое распределение населения согласно *Generalplan Ost*

Таблица 15. Предполагаемые инвестиционные приоритеты согласно *Generalplan Ost* (в варианте, предложенном весной 1942 года)

Таблица 16. Экономика рабского труда

Таблица 17. Производство вооружений по отношению к экономическому потенциалу: союзники и страны Оси, 1942–1944 годы

Таблица A1. Текущий счет: зависимость Германии от иностранных ресурсов

Таблица A2. Производство важнейших видов сырья в пределах границ Германии до 1938 года

Таблица A3. Ежемесячная выплавка и распределение стали в Германии, 1937–1944 годы

Таблица A4. Оснащение вермахта вооружением

Таблица A5. Снабжение Германии зерном, 1932–1944 годы

Таблица A6. Индекс производства вооружений в министерстве Шпеера

Часто используемые сокращения

AEG: Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft

BAL: Bundesarchiv Lichterfelde (федеральный архив в Лихтерфельде)

Brabag: Braunkohlenbenzin AG

DAF: Deutsche Arbeitsfront (Германский трудовой фронт)

DKE: Deutsche Kleinempfänger («Немецкий малый радиоприемник»)

GM: General Motors

IMT: International Military Tribunal (Международный военный трибунал)

KdF: Kraft durch Freude («Сила через радость»)

RKF: Рейхскомиссар по охране германской расы (Reichskommissar für die Festigung deutschen Volkstums)

RVE: Стальная ассоциация Рейха (Reichsvereinigung Eisen)

RWE: Rheinisch-Westfälische Elektrizitätswerke (энергетическая компания «Электростанции Рейна-Вестфалии»)

VE: Volksempfänger («Народный радиоприемник»)

Vestag: Vereinigte Stahlwerke (промышленный конгломерат «Объединенные сталелитейные заводы»)

ИЗС: Имперское земельное сословие (Reichsnahrstand)

НЛП: Национально-либеральная партия (DVP)

НННП: Немецкая националистическая народная партия (DNVP)

НСДАП: Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP)

ОКВ: Верховное главнокомандование вермахта (OKW)

ППС: Паритет покупательной способности

РМА: Рейхсминистерство авиации

РМФ: Рейхсминистерство финансов

РМЭ: Рейхсминистерство экономики

РСХ А: Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheits-hauptamt)

СА: Штурмовые отряды (Sturmabteilungen)

СД: Служба безопасности (Sicherheitsdienst)

В примечаниях используются следующие сокращения для наиболее часто цитируемых вторичных работ:

Domarus: M.Domarus (ed.), Adolf Hitler: Reden und Proklamationen, 1931–1945 (Münich, 1965), 2 vols.

DRZW: Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg (Stuttgart, 1979.), 9 vols.

Eichholtz: D. Eichholtz, Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945 (Berlin, 1969-96), 3 vols.

Weinberg, Foreign Policy I: G. L. Weinberg, The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–1936 (Chicago, 1970).

Weinberg, Foreign Policy II: G. F. Weinberg, The Foreign Policy of Hitler's Germany: Starting World War II, 1937–1939 (Chicago, 1980).

Важные собрания опубликованных документов обозначены следующими сокращениями:

ADAP: Akten zur deutschen auswärtigen Politik, ser. D. (Baden-Baden, 1950-57)

DGFP: Documents on German Foreign Policy, ser D. (London, 1962-4)

IMT: International Military Tribunal, Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg 14 November 1945-1 October 1946 (Nuremberg, 1949), 42 vols
Meldungen: H.Boberach (ed.),

Meldungen aus dem Reich 1938–1945: Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS (Herrsching, 1984), 17 vols

В ссылках на архивные источники используются следующие сокращения:

ВАН: Bundesarchiv, филиал в Хоппегартене

BAL: Bundesarchiv, филиал в Лихтерфельде

БАМА: Bundesarchiv, Militararchiv, Фрайбург NA: National Archive, Вашингтон

PRO: Public Record Office (Национальный архив, Великобритания)

ЦГОА: Центральный государственный особый архив, Москва

Другие используемые сокращения:

GG: Geschichte und Gesellschaft

HWJ: History Workshop Journal

HZ: Historische Zeitschrift

IfK: Institut für Konjunkturforschung

IWM: Imperial War Museum

JbW: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte

MGM: Militärgeschichtliche Mitteilungen

VfZ: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte

VWSG: Vierteljahresschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte

VzK: Vierteljahreshefte zur Konjunkturforschung

Благодарности

Эта книга не была бы написана, если бы не четыре человека. Весной 2000 г. Ричард Овери сообщил мне о том, что в издательстве *Penguin* хотят, чтобы кто-нибудь занялся этим проектом. Саймон Уиндер нашел время для того, чтобы приехать в Кембридж и обсудить эту работу на ее ранних этапах. Джон Корнуэлл помог мне связаться с Клэр Александер и прочел один из первых черновиков заявки. Клэр выработала окончательные условия соглашения. Перед каждым из них я нахожусь в огромном долгу. Несмотря на то, что, в частности, Ричард может и не быть согласен со всеми выводами, к которым я прихожу в этой книге, тем не менее надеюсь, что предоставление издательству готовой рукописи в какой-то мере оправдывает их веру в меня.

Начиная с 1996 г. в моей жизни едва ли был хоть один день, когда бы я не ощущал, как мне повезло получить работу в Кембриджском университете и Колледже Иисуса. Это одно из последних мест в мире, в которых научная жизнь по-прежнему доставляет практически безоговорочное удовольствие. Мне бы хотелось поблагодарить сам университет, его библиотекарей, мой факультет, моих коллег по Колледжу Иисуса и его главу за создание столь замечательного места для работы и предоставление мне двух отпусков для написания данной книги. Если бы не благожелательное отношение со стороны коллег по факультету и колледжу, мои достижения были бы намного более скромными.

В 2002 г. мне крайне повезло получить Премию Левехьюма по современной истории. Я глубоко признателен руководству фонда Левехьюма за эту поддержку и все блага, которые ей сопутствуют. Мое имя в список соискателей внес Мартин Донтон, и я благодарен ему за это и вообще за его энергичную и дружескую поддержку.

Довольно неожиданно я провел большую часть 2004/2005 учебного года в Университете Иллинойса в сопровождении жены, получившей там стипендию. Должен признать, что мысль о таком переезде на критическом этапе работы над рукописью этой книги вызывала у меня чувство, близкое к ужасу. К счастью, благодаря Бекки, отлично все организовавшей, эти страхи оказались совершенно беспочвенными. Трудно вообразить себе научную среду, которая бы сильнее способствовала расслабленному труду. Мне бы хотелось поблагодарить исторический факультет Университета Иллинойса и его замечательную библиотеку за их гостеприимство. Питер Фрицше в качестве декана факультета всячески облегчал мне жизнь и позаботился о том, чтобы у меня было место для работы. Марк Микале и Тамара Мэтесон любезно предоставили мне свои кабинеты. Также я благодарен Максу Эдельсону и Марку Леффу за дружбу и интеллектуальное поощрение моих трудов. Кэти Чебула оказала мне бесценное содействие в качестве редактора. Однако в первую очередь хочу поблагодарить наших несравненных друзей Крэйга Кослофски и Дэну Рабин и их чудесных детей Иону и Иви, без которых наше пребывание в Урбане было бы невозможным как в эмоциональном, так и в практическом плане.

Благодаря электронной почте наше продолжительное пребывание на Среднем Западе не привело к перерыву в дискуссиях с друзьями и коллегами из Великобритании, Франции и Германии. На протяжении последних лет я работал в тесном контакте с Бернардом Фульдой, который первым прочел готовую рукопись и являлся для меня источником бесценной поддержки и отзывов. Его помощь сыграла решающую роль в ходе эволюции моих идей в 2003–2004 гг. В начале 2005 г. мне чрезвычайно повезло получить в читатели Дэвида Рейнольдса. Его с полным правом можно назвать идеальным читателем – оперативным, внимательным, обладающим обширными познаниями и способным на конструктивную критику. Его замечания оказали большое влияние на облик данной книги. Третьим моим коллегой, прочитавшим всю рукопись, стал Мартин Иванов (Академия наук, София). Я чрезвычайно благодарен ему за проницательную критику и в высшей степени доволен нашим сотрудничеством в течение последних двух

лет. Кроме того, мне хочется поблагодарить Мэтта Иннисса, при своей напряженной работе в Казначействе Ее Величества сумевшего выкроить время для того, чтобы прочесть рукопись, и организовавшего для меня восхитительные экскурсии в жизнь за пределами научных сфер.

В число других моих друзей и коллег, прочитавших значительные порции рукописи, входят Франческа Карневали, Крис Кларк, Дебора Коэн, Бекки Конекин, Джо Майоло, Ральф Рихтер, Кристиано Ристучча, Джонас Шемер и Зара Стейнер. Выражаю всем им громадную благодарность.

Одно из больших удовольствий, связанных с работой над данным проектом, заключалось в выпавшей мне возможности диалога с немецкими коллегами. За беседы, отклики и содействие в получении материалов из Германии я чрезвычайно благодарен Ральфу Банкену, Кнуту Борхардту, Кристофу Буххайму, Михаэлю Эби, Эмануэлю Гейзенбергу, Ульриху Хенслеру, Яну Отмару Гессе, Рольфу-Дитеру Мюллеру, Вернеру Плумпе, Альфреду Рекендресу, Альбрехту Ритшлю, Михаэлю Шнайдеру, Марку Шпереру, Сибилле Штайнбахер и Иохену Штребу. О том, сколь многим я обязан этим исследователям, свидетельствуют десятки примечаний в тексте книги. Личные контакты во время конференций, а также с помощью бумажной переписки и электронной почты лишь увеличивают мой долг.

Особую благодарность я хочу выразить Деборе Коэн за ее содействие в получении абсолютно бесценных материалов из Библиотеки Конгресса в Вашингтоне.

На протяжении пяти последних лет различные элементы аргументации, приведенной в этой книге, терпеливо выслушивались и обсуждались аудиториями семинаров в Кембридже, Ковентри, Франкфурте, Манчестере, Мангейме, Мюнхене, Оксфорде, Париже, Филадельфии, Софии и Урбане-Шампейн. Я особенно благодарен за замечания Тео Болдерстона, Джеффри Фира, Питера Фрицше, Марка Харрисона, Крэйга Кослофски, Алана Майлуорда, Авнера Оффера, Дэна Раффа, Ника Старгардта и Джонатана Стейнберга.

Подобно всем, кто изучает историю Германии, я нахожусь в огромном долгу перед персоналом различных отделов немецкого Федерального архива. Кроме того, мне хотелось бы поблагодарить персонал Национального архива в Кью и Имперского военного музея, но в первую очередь – Стивена Уолтона, который в качестве архивиста является настоящей находкой для историка.

За гостеприимство, оказывавшееся мне во время моих архивных визитов, я хочу поблагодарить своего старого друга Якоба Фогеля и старых и новых друзей из пестрой толпы домохозяек Бригитты Фогель и Мартина Янотты. Из числа других старых берлинских друзей я крайне благодарен Даниэлю Хефлеру, обеспечившему мне внезапную и весьма неожиданную рекламу в рамках дискуссии между Али и Тузом в разделе рецензий газеты *Die Tageszeitung* (TAZ).

Саймон Уиндер неизменно оказывал мне редакторскую поддержку, подбадривая меня ровно тогда, когда это требовалось. Как и многие мои коллеги, я нахожусь перед ним в огромном долгу. Мне бы хотелось поблагодарить его и всех других сотрудников издательства *Penguin* – в первую очередь Клоуи Кэмпбелл, – максимально сгладивших процесс издания настоящей книги. Кроме того, мне хочется высказать сердечную благодарность и в адрес Элизабет Стрэтфорд, моего дотошного и чрезвычайно терпеливого литературного редактора. При ответах на многочисленные вопросы и замечания Элизабет мне оказывала бесценное содействие Розанна Шарки, без чьей помощи, которую я получал как за компьютером, так и дома, мне было бы трудно пережить осенний триместр 2005 г.

Мне было бы невозможно представить себе жизнь без моей жены Бекки Конекин. Я в высшей степени благодарен ей за то, что она уже столько времени терпит мое общество. Мое чувство собственного «я» слишком тесно завязано на наши взаимоотношения и повседневное партнерство, чтобы я мог считать книгу – даже столь большую и значимую для меня лично, как эта, – чем-то большим, чем часть того единого целого, которое держится на Бекки. Я глубоко

благодарен ей за это и рад, что эта книга не является чем-то отдельным, а находится в обрамлении многих других вещей в нашей жизни: первой книги Бекки и многих других ее начинаний, нашего нового дома и, в первую очередь, воспитания нашей дочери Эдит-Элизабет, света наших с женой очей. В качестве восхитительно самоуверенной дошкольницы Эди проявляет здоровый скепсис по отношению ко всем увлечениям своего папочки. Можно лишь надеяться на то, что ее поколение будет в меньшей мере ощущать на себе тяжесть тех ужасных событий, чем те, кто родился на протяжении нескольких коротких десятилетий после 1945 г. Однако мое призвание – оглядываться в прошлое, и эта книга посвящается моим бабушке и деду со стороны матери, Пегги Уинн и покойному Артуру Уинну, двум людям, прожившим буквально весь XX век, в поразительной степени проявляя устойчивое и страстное чувство сопричастности к его событиям. Их щедрость, гостеприимство, любопытство и энергичная интеллектуальная и практическая активность вдохновляли меня на протяжении всей моей жизни. Это посвящение— лишь скромный знак ощущаемого мной в их отношении восхищения и благодарности.

Предисловие

Как это стало возможно? В 1938 г. Третий рейх вовлек Германию во вторую на протяжении менее чем одного поколения кампанию завоевания и разрушений. Поначалу гитлеровский вермахт, лучше подготовленный и более агрессивный, чем кайзеровские армии, казался неудержимым. Но по мере того как Гитлер шел от победы к победе, число его врагов множилось. Во второй раз за XX век попытка Германии покорить весь европейский континент встретила с непреодолимым сопротивлением. К декабрю 1941 г. Третий рейх воевал уже не только с Британской империей и Советским Союзом, но и с Соединенными Штатами. Война затянулась еще на три года и пять месяцев, но в конце концов Гитлер потерпел еще более катастрофическое поражение, чем то, что выпало на долю кайзера. Германия вместе с обширными пространствами в остальной части Восточной и Западной Европы лежала в руинах. Польша и западные территории Советского Союза были буквально выпотрошены. Франция и Италия находились в опасной близости от гражданской войны. Потрясения, которым подверглись колониальные империи – Великобритания, Франция и Нидерланды, – сделали невозможным их сохранение. Наконец, после того, как мир узнал о чудовищных актах геноцида, совершенных национал-социалистическим режимом, то превосходство, на которое уверенно претендовала европейская цивилизация, навсегда оказалось под вопросом. Как все это стало возможно?

Люди сами делают свою историю. В конечном счете отправной точкой для любого рассказа о нацистской Германии должна стать человеческая воля – как индивидуальная, так и коллективная. Если мы хотим разобраться в ужасных деяниях Третьего рейха, то должны понять мотивы тех, кто их совершил. Нам следует серьезно относиться к Адольфу Гитлеру и его сторонникам. Мы обязаны проникнуть в их сознание и проследить мрачные хитросплетения их идеологии. Недаром биографии – как отдельных лиц, так и целых коллективов – представляют собой один из самых поучительных способов изучения

Третьего рейха. Но если верно то, что «Люди сами делают свою историю», то верно и то, что, как выразился Карл Маркс, «они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Каковы же эти обстоятельства? Тех, кто считает Маркса сторонником примитивного экономического детерминизма, может удивить, что он продолжил этот знаменитый афоризм не рассуждениями о способе производства, а словами о том, что «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». И как раз в те моменты, когда исторические деятели «как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее», «они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде <...> разыгрывать новую сцену всемирной истории». Гитлер и его подручные, несомненно, жили именно в таком придуманном ими самими мире. И потому неслучайно в последних работах о Третьем рейхе упор делается на политику и идеологию. Культурные кризисы, через которые прошла Европа в начале XX в., вакуум, оставленный секуляризационными тенденциями конца XIX в., неслыханные ужасы Первой мировой войны – всему этому должен уделить пристальное внимание любой, кто серьезно намерен осмыслить скрытые мотивы национал-социализма. Как иначе мы можем понять режим, сделавший своей главной задачей уничтожение европейского еврейства, – цель, явно лишенную каких-либо экономических оснований, проект, в суть кото-

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта//Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 119.

рого, по-видимому, можно проникнуть в лучшем случае лишь с точки зрения кровавой теологии искупительного очищения?²

Поворот к культуре и идеологии в сфере изучения фашизма навсегда преобразил наши представления о Гитлере и его режиме. Сейчас это трудно себе представить, но еще не так давно историки сплошь и рядом отмахивались от *Mein Kampf* как от исторического источника и считали вполне оправданным видеть в Гитлере не более чем очередного действующего по обстоятельствам империалиста. Эти дни остались в прошлом. Благодаря усилиям двух поколений историков сейчас мы намного лучше понимаем, каким образом нацистская идеология обуславливала мысли и действия нацистского руководства и немецкого общества в целом. Но в то время как мы старательно распутывали главную идеологическую и политическую нить гитлеровского режима, в относительном забвении пребывали другие важные «пряди» истории. Что самое главное, историки в большинстве своем не уделяли должного внимания экономике и даже игнорировали ее значение. В какой-то мере это делалось сознательно. Однако маргинализация экономической истории отчасти произошла по ее же вине. Статистическая терминология, представляющая собой язык многих работ по истории экономики, непонятна для читателей-гуманитариев, и при этом обе стороны предпринимали слишком мало усилий для того, чтобы преодолеть эту проблему. Но может быть, за неприязнью к социально-экономическому анализу в первую очередь стояло ощущение скуки, впечатление, что на эту тему просто больше нечего сказать и что ответ на все главные вопросы дали первые два поколения работавших после 1945 г. историков и обществоведов, осветивших такие темы, как нацистское восстановление народного хозяйства и история военной экономики.

В итоге мы имеем историографию, движущуюся на двух скоростях. В то время как наши представления о расовой политике режима и процессах, шедших в немецком обществе при национал-социализме, за последние двадцать лет претерпели трансформацию, экономическая история этого режима в основном топталась на месте. Цель настоящей книги – дать начало длительному и запоздалому процессу пересмотра устоявшихся концепций. Ради этого здесь произведена переоценка архивных и статистических фактов, многие из которых не подвергались сомнению на протяжении последних шестидесяти лет. Данные факты рассматриваются в свете новейших исследований, проделанных как историками Третьего рейха, так и экономическими историками, изучавшими динамику межвоенной экономики. Наконец, книга ставит вопрос о том, какой свет экономика проливает на некоторые ключевые проблемы истории гитлеровского режима. Как трещины в глобальной расстановке сил, созданные Великой депрессией 1929–1932 гг., позволили гитлеровскому правительству оказать такое серьезное влияние на мировую политику? Как были связаны друг с другом поразительные имперские амбиции Гитлера и его сторонников – и своеобразная ситуация, в которой находились немецкая экономика и общество в 1920-е и 1930-е гг.? Какой вклад внесли внутренние и международные экономические трения в стремление Гитлера к войне в 1939 г. и в его дальнейшие неустанные попытки расширить масштабы военных действий? Когда и как Третий рейх пришел к стратегии блицкрига, воспринимаемого широкими кругами как ключ к его ярким успехам во Второй мировой войне? Каким образом после краха стратегии блицкрига под Москвой в декабре 1941 г. Третьему рейху почти три с половиной года удалось продолжать войну в условиях ошеломляющего материального перевеса противников? И как мы должны относиться к Альберту Шпееру? В последние годы этой личности уделялось исключительно много внимания, хотя – и это, несомненно, служит символом нашей эпохи – на первом плане находилась не важнейшая роль Шпеера как министра вооружений, а вопросы, связанные с его позицией архитектора Гитлера, личной причастностью Шпеера к холокосту и предпринимавшимися им после 1945 г. мучительными попытками как-то примириться с истиной. Настоящая книга представ-

² M. Burleigh, *The Third Reich: A New History* (London, 2000).

ляет собой первое за 60 лет подлинно критическое описание состояния немецкой военной экономики при Шпеере и его предшественниках и проливает новый яркий свет на его роль в сохранении жизнеспособности Третьего рейха вплоть до кровавого финала. Ведь лишь путем дальнейшего изучения экономических основ Третьего рейха, рассмотрения земельного, производственного и трудового вопросов мы сможем в полной мере проникнуть в суть поразительного процесса кумулятивной радикализации режима, самым ошеломляющим проявлением которого служил холокост.

Соответственно, первая цель настоящей книги состоит в том, чтобы вернуть экономике ключевое место в наших представлениях о гитлеровском режиме. Это будет сделано с помощью экономического нарратива, который придаст смысл составленной на протяжении последнего поколения политической истории этого режима и послужит для нее основой. Однако не менее злободневна и необходимость привести наше понимание экономической истории Третьего рейха в соответствие с процессом скрытого, но глубокого пересмотра истории европейской экономики, идущим с конца 1980-х гг., но до сих пор по большей части никак не проявившимся в основном направлении германской историографии.

Едва ли будет преувеличением сказать, что исследователи немецкой истории XX в. делят по крайней мере одну общую отправную точку: представление об исключительной мощи немецкой экономики. Когда Гитлер пришел к власти, Германия, несомненно, находилась в тисках глубокого экономического кризиса. Но общим местом работ по европейской истории XX в. стала идея Германии как «спящей» экономической сверхдержавы, по своему потенциалу сопоставимой лишь с США. При всех спорах о том, была ли немецкая политическая культура отсталой или нет, идея о том, что немецкая экономика была чрезвычайно модернизированной, обычно не подвергается сомнению. Эта идея задает рамки большинства работ по социальной истории Германии, а также лежит в основе описаний германского империализма во внешнеполитической сфере. Более того, представление о германском экономическом превосходстве настолько авторитетно, что оно повлияло на изложение истории не только Германии, но и других стран. На протяжении большей части XX в. именно с Германией сопоставлялись Великобритания, Франция, Италия и даже США.

При взгляде из начала XXI в. становится ясно, что начинать нужно именно с пересмотра этой идеи. И то, что европейцы извели в своей жизни с начала 1990-х гг., и технические труды последнего поколения экономистов и историков экономики если не разрушили, то поколебали миф о необычайном превосходстве Германии в сфере народного хозяйства. Основным содержанием европейской экономической истории XX в. оказалось последовательное приближение к норме, которая на протяжении большей части данного периода задавалась не Германией, а Великобританией, уже к 1900 г. представлявшей собой первое в мире полностью индустриализованное и урбанизированное общество. Более того, до 1945 г. Великобритания была не просто европейской страной, а крупнейшей глобальной империей в мировой истории. В 1939 г., когда началась война, совокупный ВВП Британской и Французской империй превосходил общий ВВП Германии и Италии на 60 %. Разумеется, идея о присущем Германии экономическом превосходстве была не просто плодом исторического воображения. В Германии еще с конца XIX в. существовал целый ряд передовых промышленных компаний. Такие марки, как *Krupp*, *Siemens* и *IG Farben*, наделяли содержанием миф об индустриальной непобедимости Германии. Однако в целом немецкая экономика слабо отличалась от средней по Европе: в 1930-х гг. национальный доход на душу населения был в Германии не особенно высоким; его можно сопоставить с национальным доходом в современном Иране или ЮАР. Стандарты потребления у большей части немецкого населения были скромными, и в этом плане Германия отставала от большинства своих западноевропейских соседей. При Гитлере Германия оставалась лишь частично модернизированным обществом, в котором более 15 млн человек зараба-

тивали на жизнь традиционными ремеслами или были заняты в крестьянском сельском хозяйстве.

В качестве ярчайшей черты экономической истории XX в. сегодня нас поражает не необычайное экономическое доминирование Германии или какой-либо иной европейской страны, а отступление «старого материка» в тень ряда новых экономических держав – в первую очередь США. В 1870 г., к моменту объединения германской нации, США и Германия имели примерно одинаковую численность населения, а совокупный объем производства американской экономики, несмотря на чрезвычайное изобилие земли и различных ресурсов, лишь на треть превышал немецкий. К началу Первой мировой войны американская экономика своими масштабами примерно вдвое превосходила экономику Германской империи. К 1943 г., перед тем как воздушные бомбардировки достигли полного размаха, объемы производства в США превышали соответствующие показатели Третьего рейха почти в четыре раза.

Таким образом, мы вступаем в XXI век с иным представлением об истории, нежели то, сквозь призму которого в течение почти всего последнего столетия обычно освещалась история Германии. С одной стороны, мы четче осознаем действительно исключительное положение США в современной глобальной экономике. С другой стороны, общеевропейский опыт «конвергенции» диктует нам однозначно более реалистичную оценку экономической истории Германии. Принципиальное и, возможно, наиболее радикальное утверждение настоящей книги сводится к тому, что эти не связанные друг с другом сдвиги в нашем восприятии истории требуют переосмысления истории Третьего рейха – переосмысления, которое несколько неприятным образом делает историю нацизма более внятной и едва ли не до жути близкой нам и в то же самое время еще рельефнее выявляет ее принципиальную идеологическую иррациональность. История экономики подает в новом свете как мотивы гитлеровской агрессии, так и причины ее краха – собственно говоря, причины ее неизбежного краха.

В обоих отношениях ключом к нашему пониманию Третьего рейха служит Америка. Пытаясь объяснить поспешность развязанной Гитлером агрессивной войны, историки недооценивали, насколько остро он осознавал ту угрозу для Германии и для всех прочих европейских держав, которую скрывало в себе становление США в качестве доминирующей глобальной сверхдержавы. Гитлер на основе текущих экономических тенденций уже в 1920-х гг. предсказывал, что у европейских держав осталось всего несколько лет для того, чтобы сплотиться ради противостояния этому неизбежному исходу. Более того, Гитлер осознавал уже ощущавшуюся европейцами непреодолимую привлекательность образа жизни богатых американских потребителей – привлекательность, чью силу мы в состоянии живо себе представить, с учетом того, что мы более четко понимаем общий переходный статус европейских экономик в межвоенный период. Подобно населению многих нынешних полупериферийных экономик, жители Германии в 1930-е гг. уже целиком погрузились в потребительский мир Голливуда, но в то же время миллионы людей жили по три-четыре человека в комнате, не имея ни ванных комнат, ни электричества. Автомобили, радиоприемники и прочие атрибуты современной жизни – такие как бытовые электроприборы – были доступны лишь элите общества. Оригинальность национал-социализма заключалась в том, что Гитлер, вместо того чтобы смириться с местом, занимаемым Германией в глобальной экономической системе с ее доминированием богатых англоязычных стран, стремился мобилизовать накопившуюся у населения неудовлетворенность, чтобы бросить эпохальный вызов этой системе. Повторяя то, что европейцы творили по всему земному шару в течение трех предыдущих столетий, Германия собиралась построить свой собственный имперский хинтерланд; захват обширных земель на востоке дал бы ей как самодостаточную основу для накопления богатства, так и платформу, необходимую для победы в грядущем состязании сверхдержав с участием США.

Соответственно, агрессивность гитлеровского режима прочитывается как явная реакция на трения, порожденные неравномерным развитием глобального капитализма, – трения,

которые, разумеется, сохраняются по сей день. Но в то же время понимание экономических основ способствует более обостренному осознанию глубокой иррациональности гитлеровских замыслов. Как будет показано в книге, гитлеровский режим после 1933 г. осуществил действительно выдающуюся кампанию экономической мобилизации. Выполнявшаяся Третьим рейхом программа перевооружения представляла собой самое масштабное перемещение ресурсов, когда-либо предпринимавшееся капиталистическим государством в мирное время. Тем не менее Гитлер оказался не в состоянии изменить сложившийся экономический и военный баланс. Экономика Германии оказалась просто недостаточно мощной для того, чтобы создать вооруженные силы, требовавшиеся для победы над всеми ее европейскими соседями, включая и Великобританию, и Советский Союз, не говоря уже о США. Хотя Гитлер в 1936 и 1938 гг. добился блестящих кратковременных успехов, дипломаты Третьего рейха не сумели сколотить антисоветский альянс, предлагавшийся в *Mein Kampf*. Перед лицом войны с Великобританией и Францией Гитлер в последний момент был вынужден пойти на оппортунистическое соглашение со Сталиным. Ошеломляющая эффективность бронетанковых сил, этого *deus ex machina* первых лет войны, до лета 1940 г., несомненно, не являлась основой стратегии – она стала сюрпризом даже для германского руководства. И при всей несомненной эффектности побед германской армии 1940 и 1941 гг. они не носили решающего характера. Таким образом, мы приходим к поистине умопомрачительному выводу о том, что Гитлер в сентябре 1939 г. начал войну, не имея сколько-нибудь внятного представления о том, как одержать верх над своим главным противником – Британской империей.

Почему Гитлер решился на такую сверхрискованную ставку? Это, несомненно, ключевой вопрос. Даже если завоевание жизненного пространства можно обосновать как акт империализма, даже если Третий рейх добился поразительных успехов в деле мобилизации своих ресурсов ради достижения победы, даже если немецкие солдаты блестяще сражались, Гитлер воевал настолько рискованно, что это не позволяет обосновать его действия с точки зрения прагматичных, корыстных интересов³. И этот вопрос возвращает нас к основным течениям историографии и к тому вниманию, которое они уделяют идеологии. Именно идеология служила для Гитлера объективом, сквозь который он рассматривал международный баланс сил и развитие борьбы, начавшейся в Европе летом 1936 г. вместе с гражданской войной в Испании и приобретающей все более глобальный размах. В глазах Гитлера угроза для Третьего рейха со стороны США не сводилась к традиционному соперничеству сверхдержав. Эта угроза носила экзистенциальный характер и была тесно связана с не оставлявшим его страхом перед всемирным еврейским заговором, проявления которого он видел в «еврействе Уолл-стрит» и в «еврейских СМИ» США. Именно эта фантастическая интерпретация реального баланса сил и служила причиной неожиданных, рискованных решений Гитлера. Германия просто не могла смириться с ролью богатого сателлита США, на которую, казалось, была в 1920-е гг. обречена Веймарская республика, поскольку это означало бы капитуляцию перед всемирным еврейским заговором и в конечном счете гибель германской расы. В условиях невозможности уберечься от еврейского влияния, выразившегося в нарастании международной напряженности в конце 1930-х гг., будущее процветание в рамках капиталистического партнерства с западными державами было просто невозможно. Война становилась неизбежностью. И вопрос заключался не в том, будет ли она, а в том, когда она разразится.

Книга получилась длинной, а так как ее следует читать от начала к концу, мне бы не хотелось ослаблять напряжение, раскрывая ее главные секреты уже на первых страницах. Достаточно сказать, что хотя основные контуры истории Третьего рейха были четко обозначены благодаря десятилетиям кропотливых исследований, я излагаю эти события с совершенно новой

³ В. Wegner, «Hitler, der Zweite Weltkrieg und die Choreographic des Untergangs», *Geschichte und Gesellschaft*, 26 (2000), 493–518.

точки зрения. Моя цель – дать читателю более широкое и глубокое понимание того, как Гитлер укрепил свою власть и мобилизовал немецкое общество на войну. Я по-новому описываю динамику процессов, втянувших Германию в войну, и объясняю, почему они способствовали успешному ведению военных действий до 1941 г., а затем достигли неизбежного предела в русских снегах. Помимо этого, в книге поднимается тема, интерпретация которой до сих пор представляет несомненную проблему для любого историка Третьего рейха, но в первую очередь, возможно, для историка экономики: причины холокоста. Опираясь как на архивные материалы, так и на итоги блестящей работы, проделанной целым поколением историков, я выделяю связь между войной с евреями и общими империалистическими замыслами режима, принудительным трудом и специально организованным голодом. По сути, нацистское руководство обосновывало для себя геноцид не одной, а целым рядом различных экономических причин. Наконец, на основе этих ключевых глав, посвященных 1939–1942 гг., я объясняю те исключительные меры принуждения, организованные в первую очередь Альбертом Шпеером, которые позволили Германии выдержать еще три года ожесточенных сражений.

Тем, кто уже сейчас с нетерпением ждет более конкретных выводов, я советую переходить сразу к главе 20, в которой содержится краткое резюме по крайней мере некоторых ключевых моментов. С целью немного сократить и без того немалый объем книги, я не привожу в ней всей собранной библиографии. Полные названия всех цитируемых работ приводятся при их первом упоминании в каждой главе. Полную библиографию, а также прочие ресурсы по экономической истории Третьего рейха можно найти на веб-странице автора по адресу: [http:// campuspress.yale.edu/adamtooze/wages-of-destruction-bibliography/](http://campuspress.yale.edu/adamtooze/wages-of-destruction-bibliography/). Под «тоннами» в книге понимаются метрические тонны.

1. Введение

При взгляде на XX век трудно избежать вывода о том, что история Германии проходила под знаком двух тем. С одной стороны тяга к экономическому и техническому прогрессу, благодаря чему Германия в течение большей части века наряду с США, а впоследствии — Японией, Китаем и Индией, — являлась одной из крупнейших экономик мира. С другой стороны мы видим стремление к войнам невообразимого прежде размаха⁴.

Германия несет основную ответственность за развязывание первой из двух опустошительных мировых войн XX века. И только она ответственна за вторую из них. Более того, в ходе Второй мировой Гитлер и его режим нарушили основные законы войны, организовав полномасштабную кампанию геноцида, беспрецедентного в своей интенсивности, размахе и целенаправленности. После второй катастрофы 1945 г. державы-победительницы приняли меры к тому, чтобы у Германии не осталось выбора между миром или войной. Хотя спорт, техника, наука и культура постепенно были вновь дозволены в качестве сфер национального и личного самовыражения и хотя германская политика с конца 1960-х гг. становилась все более многогранной, после 1945 г. в национальной жизни — по крайней мере, в жизни Западной Германии — доминировало деполитизированное стремление к материальному благосостоянию⁵. Напротив, произошедшая в 1918 г. первая капитуляция Германии была намного менее полной, и выводы, сделанные из нее как немцами, так и их бывшими противниками, соответственно, оказались более двусмысленными. Одной из многих поразительных особенностей немецкой политики после Первой мировой войны было то, что до самого конца Веймарской республики перед германским электоратом стоял выбор между политикой мирного движения к национальному процветанию и воинствующим национализмом, более или менее открыто требовавшим новой войны с Францией, Великобританией и США. Поскольку большая часть настоящей книги посвящена разбору того, как Гитлер подчинял себе германскую экономику в порядке подготовки ко второму из этих вариантов, представляется важным начать с четкого обозначения альтернативы, в противостоянии с которой формировалось его мировоззрение, и с рассказа о том, как эта альтернатива была задвинута в тень катастрофическими событиями, предшествовавшими захвату Гитлером власти.

Разумеется, было бы ошибкой отрицать преемственность, связывавшую всех участников стратегических дискуссий, которые велись в 1920-е и 1930-е гг. в Германии, с империалистическим наследием вильгельмовской эпохи⁶. Враждебность к французам и полякам и империалистические замыслы в отношении соседей Германии и на западе, и на востоке не представляли собой чего-то нового. Однако, делая чрезмерный упор на преемственность, мы рискуем недооценить глубокое влияние, оказанное на германскую политику поражением в ноябре 1918 г. и последующим мучительным кризисом. Агония достигла высшей точки в 1923 г., когда французы оккупировали Рур, промышленное сердце германской экономики. На протяжении следующих месяцев, в течение которых Берлин спонсировал массовую кампанию пассивного неповиновения, страна скатилась в масштабную гиперинфляцию и дошла до такого политического расстройтва, что осенью 1923 г. под вопросом оказалось выживание германского националь-

⁴ См. рассуждения об этой поляризации в: M. Geyer, «The Stigma of Violence, Nationalism, and War in Twentieth-Century Germany», *German Studies Review*, 15 (1992), 75–110, и K. H. Jarausch and M. Geyer, *Shattered Past: Reconstructing German Histories* (Princeton, 2003).

⁵ H. James, *A German Identity 1770–1990* (London, 1989), 177–89.

⁶ Резюме этих дискуссий см. в: P. Krüger, *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar* (Darmstadt, 1985); G. Niedhart, *Die Aussenpolitik der Weimarer Republik* (Münich, 1999). Об идеологической преемственности см.: W. D. Smith, *The Ideological Origins of Nazi Imperialism* (Oxford, 1986).

ного государства как такового⁷. Дискуссии по стратегическим вопросам в Германии навсегда изменили свой характер. С одной стороны, кризис 1918–1923 гг. породил ультранационализм – в лице радикального крыла НННП (Немецкой националистической народной партии) и гитлеровской Нацистской партии – более апокалипсический по своему накалу, чем что-либо существовавшее до 1914 г. С другой стороны, он дал начало подлинно новому течению в немецкой внешней и экономической политике. Эта альтернатива воинствующему национализму также имела своей целью пересмотр обременительных условий Версальского договора. Но при этом ставка делалась отнюдь не на военную силу. Вместо этого веймарская внешняя политика отдавала приоритет экономике как главной арене, на которой Германия еще могла оказывать влияние на мир. В первую очередь она стремилась обеспечить безопасность Германии и усилить ее роль путем установления финансовых связей с США и более тесной промышленной интеграции с Францией. В некоторых ключевых отношениях такой подход явно предвещал стратегию, осуществлявшуюся Западной Германией после 1945 г. Эту политику поддерживали все партии, входившие в Веймарскую коалицию, – социал-демократы, леволлиберальная Немецкая демократическая партия (НДП) и католическая Партия центра. Но воплощение она нашла в лице Густава Штресемана, лидера национал-либералов (НЛП) и германского министра иностранных дел с 1923 по 1929 гг.⁸

После стабилизации 1924 г. весь немецкий электорат получил возможность дать свою оценку достижениям Веймарской республики и внешней политике Штресемана лишь через четыре года, на всеобщих выборах 20 мая 1928 г. Штресеман решил идти на эти выборы в Баварии. Разумеется, Мюнхен в то же время был одной из излюбленных вотчин НСДАП и вождя этой маргинальной партии. Гитлер надеялся привлечь к себе дополнительное внимание, скрестив мечи со Штресеманом. Таким образом, баварским избирателям предлагался драматический выбор между концепцией немецкого будущего по Штресеману, основывавшейся на четырех годах мирного «экономического ревизионизма», и решительным отрицанием основ веймарской внешней и экономической политики, за которым стоял Гитлер. И Гитлер, и Штресеман отнеслись к поединку серьезно. Хотя Штресеману было важно выставить Гитлера не более чем психом, он признавал, что нашел время прочесть по меньшей мере одну опубликованную речь Гитлера с тем, чтобы иметь представление о тех аргументах, с которыми он может столкнуться⁹. В свою очередь, Гитлер использовал диспут с Штресеманом для того, чтобы уточнить свои внешнеполитические и экономические идеи, впервые сформулированные им в *Mein Kampf*— его манифесте, сочиненном в 1924 г. в Ландсбергской тюрьме¹⁰.

В итоге на свет появилась рукопись, известная как «Вторая книга» Гитлера, завершенная летом 1928 г. и содержащая обширные фрагменты, заимствованные непосредственно из его предвыборных речей¹¹.

I

Густав Штресеман впервые высказал свое мнение о том, что «политика <...> сегодня в первую очередь [является] политикой мировой экономики», в качестве активного молодого депутата от Национал-либеральной партии в вильгельмовском рейхстаге¹². И это была не про-

⁷ G. Feldman, *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924* (Oxford, 1993).

⁸ Полезный обзор нынешнего состояния исследований, посвященных Штресеману, см. в: К. Н. Pohl, «Gustav Stresemann: New Literature», *German Historical Institute London: Bulletin*, 26/1 (2004), 35–62.

⁹ J. Wright, *Gustav Stresemann* (Oxford, 2002), 420.

¹⁰ I. Kershaw, *Hitler, 1889–1936: Hubris* (London, 1998), 240–42.

¹¹ G. Weinberg (ed.), *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928* (Stuttgart, 1961) (далее: *Zweites Buch*).

¹² M. Berg, *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929* (Baden-Baden, 1990), 19–21.

сто риторика – об этом говорил ему личный опыт¹³. Штреземан родился в 1878 г. в Берлине, в семье мелкого независимого производителя пшеничного пива (и сиропов к нему) – одного из излюбленных напитков столицы. Он видел, как бизнес отца трещит по швам из-за конкуренции с крупными заводами. Будучи единственным из семи отпрысков пивовара, учившимся в университете, он закончил свое обучение диссертацией по исторической экономике и в 1901 г. начал работать уполномоченным по ведению дел для саксонских компаний. Штреземан защищал интересы экспортоориентированных предприятий легкой промышленности от непомерных требований тяжелой индустрии и сельского хозяйства, защищенного протекционистскими барьерами. Как изучение истории экономики, так и практический опыт в сфере торговой политики убеждали Штреземана в том, что главными мировыми силами в XX в. станут три крупные индустриальные державы: Великобритания, Германия и США. Великие экономические державы, конечно, соперничали друг с другом. Но в то же время они были функционально взаимосвязаны, не могли развиваться друг без друга. Германия нуждалась в сырье и продовольствии с заморских рынков, чтобы обеспечить свое население работой и хлебом. Британская империя имела лучшее положение в отношении сырья, но нуждалась в Германии как в экспортном рынке. Более того, Штреземан очень рано проникся убеждением в том, что становление США как доминирующей силы в мировой экономике навсегда изменило характер конкуренции между европейскими державами¹⁴. Европейский баланс сил в XX в. должен был в значительной мере определяться связью конкурирующих в Европе интересов с США. Разумеется, Штреземан не недооценивал другие факторы силовой политики – военную мощь и волю народа. В том, что касалось «дредноутной гонки», Штреземан последовательно выступал за усиление Императорского флота, питая надежду на то, что когда-нибудь Германия станет соперником британцев в деле защиты своей заморской торговли военно-морскими силами. После 1914 г. он проявил себя в рейхстаге в качестве одного из самых агрессивных сторонников неограниченной подводной войны. Но даже в своих наиболее аннексионистских выступлениях Штреземан в первую очередь мотивировался экономической логикой, завязанной на Соединенные Штаты¹⁵. Захват Германией Бельгии, французского побережья до Кале, Марокко и обширных территорий на востоке «требовался» для того, чтобы обеспечить Германии адекватную платформу для конкуренции с Америкой. Ни одна экономика, не имевшая гарантированного рынка не менее чем в 150 млн потребителей, не могла рассчитывать на успешную конкуренцию с системой удешевления производства за счет массовости, которую Штреземан лично наблюдал в индустриальном ядре США.

Нет сомнений в том, что неожиданная капитуляция Германии осенью 1918 г. глубоко потрясла Штреземана, едва не ввергнув его в физический и психологический коллапс. Она навсегда лишила его веры в вооруженные силы как в орудие силовой политики – по крайней мере в Германии. Более того, она посеяла в его уме более фундаментальные сомнения в отношении германской социальной и политической системы, оказавшейся менее устойчивой, чем соответствующие британская и французская. Однако это лишь укрепило его убеждение в том, что решающей силой является экономика. Мировая экономика была единственной сферой, в которой Германия оставалась поистине незаменимой. Штреземан уже в апреле 1919 г. заявлял, что с учетом военной слабости Германии основой ее внешней политики должна стать мощь ее крупных корпораций. «Сегодня мы нуждаемся в зарубежных кредитах. Рейх лишился кредитоспособности <...> но частные лица, индивидуальные крупные корпорации по-прежнему имеют доступ к кредиту. Они получают его благодаря неизмеримому уважению мира к дости-

¹³ Wright, *Stresemann*, 8-58.

¹⁴ Об американизме в Германии начала XX в. см.: A. Liidtkke, I. Marssolek and A. von Saldern (eds.), *Amerikanisierung: Traum und Alptraum im Deutschland des 20. Jahr-hunderts* (Stuttgart, 1996).

¹⁵ Berg, *Stresemann*, 43.

жениям немецкой промышленности и немецкого торговца»¹⁶. Что самое главное, экономика была той сферой, через которую Германия могла наладить связи с Соединенными Штатами – единственной державой, с чьей помощью Германия была способна противостоять французской агрессии и британскому безразличию. Такая идея трансатлантического партнерства явно стояла за действиями Штресемана во время его короткого, но важного срока пребывания на посту канцлера республики в 1923 г. и министра иностранных дел в 1924–1929 гг. Утихомирив разъяренных националистов и покончив с пагубной кампанией пассивного сопротивления французской оккупации Рура, но в то же время сигнализируя о готовности Германии к выплате репараций, Штресеман проложил путь к установлению особых отношений с США.

Разумеется, за это пришлось платить. Впоследствии Штресеман навсегда стал мишенью для исходивших из правых кругов обвинений в том, что он был «французским ставленником»¹⁷. Более того, эти обвинения подкреплялись решением Штресемана прибегнуть к тактике кооперации, а не конфронтации, для того чтобы ускорить вывод французских войск, патрулировавших Рейнскую область¹⁸. Само собой, эти обвинения не имели под собой ни малейших оснований. Штресеман во всех отношениях был законченным германским националистом. Он никогда не отрекался от аннексионистских позиций, занимавшихся им во время Первой мировой войны, потому что не видел оснований для того, чтобы сожалеть о них. Кроме того, он никогда не желал смириться с германо-польской границей, проведенной в 1921 г. в соответствии с плебисцитом и решением Лиги Наций, как с долгосрочным решением. Его стратегия, опиравшаяся на манипулирование взаимно пересекавшимися интересами США, Великобритании и Франции, была просто сложнее конфронтационного подхода, которому отдавали предпочтение ультра националисты.

Первым достижением Штресемана стал комитет Дауэса, впервые собравшийся в 1924 г. в Париже с целью создать работоспособную систему, которая бы позволила Германии выплачивать репарации, не ставя под удар свою финансовую стабильность¹⁹. Во главе этого комитета стоял генерал Чарльз Г. Дауэс, чикагский банкир и промышленник, руководивший снабжением американских и союзных войск во время Первой мировой войны. Но реальным творцом этой схемы был Оуэн Янг, председатель *General Electric*, в качестве такового являвшийся одним из лидеров американской индустрии²⁰. Более того, концерн *General Electric* был тесно связан с *Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft* (AEG), вторым по величине немецким электротехническим конгломератом. Дауэс и Янг более чем оправдали надежды, возлагавшиеся Штресеманом на США. Текущие репарационные требования в Германии были существенно снижены, и ежегодные выплаты должны были достичь максимального объема в 2,5 млрд довоенных золотых марок лишь в 1928–1929 гг. Свой вклад внес и банк *J. P. Morgan*, организовав восторженное изъявление доверия со стороны Уолл-стрит, выразившееся в сильном превышении лимита подписки при выпуске первоначального займа на 100 млн долларов. Восстановление золотой рейхсмарки на условиях довоенного паритета с долларом покончило с нестабильностью германской валюты²¹. Помимо этого, интересы Германии защищал также так называемый агент по репарациям. Эту должность занимал Паркер Гилберт, молодая «звезда» Уолл-

¹⁶ Berg, *Stresemann*, 98.

¹⁷ *Zweites Buch*, 23.

¹⁸ Wright, *Stresemann*, 373–83, 412–13.

¹⁹ S. A. Schuker, *The End of French Financial Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan* (Chapel Hill, NC, 1976), 180–86; F. Costigliola, *Dominion: American Political, Economic and Cultural Relations with Europe, 1919–1933* (Ithaca, NY, 1984), n 1–27. *Awkward*

²⁰ J.Y Case and E.N. Case, *Owen D. Young and American Enterprise* (Boston, 1982), 272–335.

²¹ G. Hardach, *Weltmarktorientierung und relative Stagnation* (Berlin, 1976), 34–5; H.O.Schötz, *Der Kampf um die Mark 2923/24* (Berlin, 1987). При курсе в 4,20 рейхсмарки за доллар рейхсмарка, как и фунт стерлингов после 1925 г., была существенно переоценена.

стрит, обладавший полномочиями для приостановки репарационных выплат, если они угрожали стабильности германской валюты. Таким образом, удовлетворение требований европейских «репарационных кредиторов» ставилось в зависимость от состояния германских финансов. Это не привело к немедленному наводнению Германии американским капиталом, как иногда утверждается²². Однако с учетом большой разницы между процентными ставками в США и Германии, где сбережения сгорели в огне гиперинфляции, условия для получения займов, несомненно, были благоприятными. С октября 1925 г. по конец 1928 г. приток зарубежного капитала был таким большим, что Германия могла производить репарационные выплаты, даже не имея торгового профицита. Это было удобно для британцев и французов, так как позволяло им требовать от немцев выплат, не открывая свои рынки для немецких товаров на сумму в миллиарды золотых марок. Одновременно Вашингтон мог требовать от Франции и Великобритании, чтобы те соблюдали свои долговые обязательства перед Америкой, накопленные ими в результате войны.

Эта карусель, сводившаяся к тому, что немцы брали займы у американцев, чтобы расплачиваться с британцами и французами, которые затем платили американцам, вызвала беспокойство у всех сторон²³. Однако она выполняла свою задачу. Конгресс США требовал максимально возможной выплаты всех кредитов, предоставленных Америкой союзникам²⁴. Новые американские кредиторы Германии получали солидную прибыль. А Веймарская республика существовала в условиях значительно более высокого уровня жизни, чем был бы возможен в том случае, если бы ей приходилось выплачивать репарации за счет экспортной выручки. Ялмар Шахт, президент Рейхсбанка, назначенный на эту должность Штресеманом в ноябре 1923 г., выражал глубокую озабоченность нарастанием международного долгового бремени Германии²⁵. Но в то же время он разделял стратегические замыслы Штресемана. По мере того как росла задолженность Германии перед Америкой, усиливалась и заинтересованность Вашингтона в том, чтобы чрезмерные репарационные требования Великобритании и Франции не ставили под угрозу американские инвестиции. Говоря попросту и наиболее цинично, стратегия Германии заключалась в том, чтобы, используя защиту, обеспечиваемую агентом по репарациям, набрать у Америки столько займов, чтобы обслуживание этого долга делало невозможным выплату репараций²⁶. Выражаясь более тонко, Штресеман и Шахт стремились превратить американские финансовые круги в главную силу, выступающую за пересмотр суммы германских репараций, что позволило бы Берлину нормализовать свои отношения с Лондоном и Парижем. И в конце 1920-х гг. эта стратегия как будто бы работала. В 1928 г. вовсе не немцы, а американцы, и в первую очередь председатель Федерального резерва США Бенджамин Стронг, выдвинули требование пересмотреть германские репарационные обязательства, пока еще размер годовых выплат не достиг максимума в соответствии с планом Дауэса²⁷.

ТАБЛИЦА 1.

Зарубежные займы: обязательства Германии по внешним долгам на весну 1931 года, млн рейхсмарок

²² W. C. McNeil, *American Money and the Weimar Republic* (New York, 1986). Более точную хронологию событий см. в: M. Wala, *Weimar und Amerika: Botschafter Friedrich von Prittwitz und Gaffron* (Stuttgart, 2001), 110–122. См. также отлично иллюстрированную историю германских долговых обязательств: H.-G. Glasemann, *Deutschlands Auslandsanleihen 1924–1945* (Wiesbaden, 1993).

²³ Что отлично показано в: H.G. Moulton and L. Pasvolsky, *War Debts and World Prosperity* (New York, 1932).

²⁴ W. G. Pullen, *World War Debts and United States Foreign Policy 1919–1929* (New York, 1987).

²⁵ H. James, *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933* (Frankfurt, 1985), 19–56.

²⁶ A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1933* (Berlin, 2002), 120–27.

²⁷ W. Link, *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932* (Düsseldorf, 1970), 411–21; Costigliola, *Awkward Dominion*, 196–210.

Кредитор	Долгосрочные займы	Краткосрочные займы	Всего
США	5 265	3 143	8 408
Великобритания	1 100	2 053	3 153
Нидерланды	1 174	2 069	3 243
Швейцария	512	1 878	2 390
Прочие страны	1 494	2 826	4 320
Итого	9 545	11 969	21 514

Источник: C. R. S. Harris, *Germany's Foreign Indebtedness* (Oxford, 1935), 9, 95.

Стронг пошел на это не из-за каких-либо нежных чувств к Германии, а в интересах сохранения колоссальных средств, вложенных Америкой в германскую экономику. Полномасштабный кризис с легкостью привел бы к дестабилизации ряда крупнейших американских банков.

II

Если в случае Штреземана проблемы интерпретации проистекают из того факта, что его политика обнаруживает поразительное сходство с теми мерами, на которых основывалась стабильность Германии после 1945 г., то сложности, связанные с осмыслением идей Гитлера, имеют ровно противоположную причину. Гитлер обитал в мире причудливых представлений, проникнутых духом осажденной крепости, который нам трудно понять или хотя бы воспринимать всерьез.

Заманчиво выводить радикальные различия между мировоззрениями Гитлера и Штреземана из резких различий между их биографиями. Долгий и мучительный поиск Гитлером своего места в мире слишком известен для того, чтобы имелась нужда его пересказывать²⁸. Несомненно, он составляет яркий контраст с историей восхождения Штреземана по социальной лестнице. Поворотным пунктом для них обоих стала война. Но если хроническая болезнь Штреземана воспрепятствовала его участию в боевых действиях во время Первой мировой, то Гитлер увидел войну из окопов. В свете этого обстоятельства едва ли удивительно, что Штреземан ухитрился сохранить присущий ему буржуазный оптимизм даже во время кошмара 1918–1923 гг., в то время как Гитлер видел окружающее в намного более мрачном свете. Тем не менее и Штреземан, и Гитлер были порождены одной и той же политической культурой. Оба они были сторонниками широко распространенного представления о том, что Первая мировая война являлась итогом состязания между империями²⁹. Говоря более конкретно, оба они считали, что войну развязала Великобритания в сознательной попытке нанести ущерб Германии – ее сопернику в торговле и строительстве военно-морского флота. Однако в случае Штреземана эта «популистская» модель глобальной военно-экономической конкуренции смягчалась свойственным ему пониманием взаимосвязанности мировой экономики и, в первую очередь, тем значением, которое он придавал США, видя в них противовес Великобритании и Франции. Напротив, мировоззрение Гитлера было намного более ожесточенным. Он считал либеральную идеологию прогресса, достижимого путем трудолюбия, упорства и свободной торговли, не более чем ложью, распространяемой еврейскими пропагандистами. По сути, любая попытка немецкого народа достичь избавления посредством трудолюбия и торговли в конце концов обрекла бы его на противостояние с Великобританией. Германии снова пришлось бы столкнуться с раскладом августа 1914 г. – неодолимым континентальным альянсом, организованным и финансируемым еврейскими банкирами из Сити. И всемирный еврейский заговор,

²⁸ См. недавнее резюме: Kershaw, *Hitler: Hubris*, 1–69.

²⁹ О значении этой идеи см.: A. Ritschl, «Die NS-Wirtschaftsideologie – Modernisierungs-programm oder reaktionäre Utopie?», in M. Prinz and R. Zitelmann (eds.), *Natio-nalsozialismus und Modernisierung* (Darmstadt, 1991), 48–70.

властвующий уже не только в Вашингтоне и в Лондоне, но и в стране большевистской диктатуры, снова одержал бы победу над Германией.

В глазах Гитлера решающими факторами в истории человечества были не работа и трудолюбие, а борьба за ограниченные средства существования³⁰. Великобритания могла жить за счет свободной торговли, но лишь благодаря тому, что она уже сколотила империю с помощью военной силы. Для поддержания достойного уровня жизни немецкому народу требовалось «жизненное пространство», *Lebensraum*, а приобрести его можно было лишь путем завоевания. Вильгельмовская Германия с огромным энтузиазмом строила колониальную империю, но в результате драгоценная немецкая кровь расплывалась по всему миру. Гитлер вместо этого отдавал предпочтение захвату единого «жизненного пространства» на востоке. В этом отношении можно снова подметить сходство с идеями аннексионистов времен войны. После Брестского мира Штресеман тоже мечтал о германском *Grossraum* на востоке. Но, как мы видели, основная цель Штресемана состояла в создании достаточно крупного рынка, способного сравняться с американским. Напротив, Гитлеру была нужна земля, но не ее коренные обитатели. Цель завоевания состояла не в том, чтобы добавить к немцам не-немцев. Население завоеванных территорий следовало устранить. Буржуазным властям Германской империи не хватало смелости для столь радикальной расовой политики по отношению к крупному польскому меньшинству, населявшему восточные окраины страны. Но если Германия хотела победить, то у нее не было альтернативы безжалостной политике завоевания и геноцида. Сама судьба обрекла Германию на неизбежную войну. Если говорить о конкретных шагах, Гитлер, по-видимому, представлял себе ряд более-менее систематических действий, начиная с присоединения Австрии, за которым последовало бы подчинение крупных государств, образовавшихся после ее распада в Центральной Европе – в первую очередь Чехословакии, – а кульминацией этого процесса должна была стать расплата с французами³¹. Тем самым был бы расчищен путь для похода на восток. Разумеется, Гитлер не желал повторять расклад Первой мировой войны – и тут ключевую роль играла Великобритания. Гитлер был твердо убежден в том, что в отличие от экспортоориентированной стратегии, неизбежно приводившей к столкновению с глобальным влиянием Британской империи, его стратегия континентальной экспансии не представляла фундаментальной угрозы для Великобритании, чьи основные интересы лежали за пределами Европы. Его стратегическая концепция 1920-х и начала 1930-х гг. основывалась на том, что он рассчитывал обеспечить доминирующие позиции Германии в Европе, не вступая в конфликт с Великобританией. Более того, выворачивая логику Штресемана наоборот, Гитлер полагал, что Великобритания станет рассматривать Германию как союзника в неизбежной конкурентной борьбе с Соединенными Штатами.

В детстве, подобно миллионам германоязычных мальчиков, Гитлер с увлечением читал «немецкие вестерны» Карла Мая³². Сразу же после окончания Первой мировой войны его восторг перед США несколько поблек. Прежде всего это затронуло президента Вильсона, который после заключения Версальского договора стал в Германии объектом почти всеобщей ненависти. В 1923 г. Гитлер писал, что лишь приступом временного слабоумия по причине мук голода, вызванного англо-еврейской блокадой, можно объяснить, почему Германия отдалась на милость «такого мошенника, как Вильсон, который прибыл в Париж в сопровождении 117

³⁰ *Zweites Buch*, 46–69.

³¹ Особенности восточноевропейской стратегии Гитлера обрисовываются в: Weinberg, *Foreign Policy I*, 14–20.

³² О связи между Карлом Маем и Гитлером см. противоречивую статью: K. Mann, «Cowboy Mentor of the Führer», *Living Age*, 359 (1940), 217–22. Попытку опровергнуть эту связь см. в: B. Linkemeyer, *Was hat Hitler mit Karl May zu tun?* (Abstadt, 1987). О творчестве Мая в контексте изображения Америки в немецкой литературе см.: J. L. Sammons, *Ideology, Mimesis, Fantasy* (Chapel Hill, NC, 1998), 229–45. О популярности Мая и жанре авантюрной литературы см.: R. Frigge, *Das erwartbare Abenteuer: Massenrezeption und literarisches Interesse am Bei-spiel der Reiserzaehlungen von Karl May* (Bonn, 1984), 150–58.

еврейских банкиров и финансистов...»³³. Соединенные Штаты практически не фигурируют в стратегических замыслах Гитлера, отразившихся в начерно написанном на следующий год *Mein Kampf*. Три года спустя, с учетом той роли, которую США играли в германских делах, такая узость кругозора была уже невозможна. Как не мог не заметить Гитлер, США – даже не являясь элементом европейского баланса вооруженных сил – были экономической державой, с которой следовало считаться. Более того, поразительные индустриальные успехи США изменили параметры повседневной жизни на «старом континенте». Как выразился сам Гитлер в одном из несомненных ключевых пассажей своей «Второй книги»,

Сегодня европеец мечтает об уровне жизни, который выводится им не только из возможностей Европы, но и из реального состояния дел в Америке. Благодаря современной технике и тем средствам связи, которые она делает возможными, международные отношения между людьми стали столь тесными, что европеец, даже не вполне осознавая это, делает критерием своей жизни условия жизни в Америке...³⁴

При этом неудивительно, что в первую очередь внимание Гитлера привлекало доминирование Америки в автомобильной промышленности. Гитлер, само собой, увлекался автомобилями. Но во «Второй книге» его волнуют стратегические последствия американского лидерства в этой новой ключевой отрасли. В своих фантазиях о будущем американского богатства европейцы склонны забывать «о намного более благоприятном отношении площади американского континента к численности его населения...». Громадные конкурентные преимущества Америки в сфере промышленных технологий в первую очередь были функцией «размеров американского „внутреннего рынка“» и тем, что она «богата не только покупательной способностью, но и сырьем». Именно огромные «гарантированные <...> внутренние продажи» позволили американской автомобильной промышленности освоить такие «методы производства, которые в Европе вследствие отсутствия таких же объемов продаж были бы попросту невозможны»³⁵. Иными словами, для фордизма требовалось «жизненное пространство».

В то время как Штресеман считал возвышение США стабилизирующим фактором в европейских делах, в глазах Гитлера оно просто поднимало ставки в борьбе за расовое выживание. И эту борьбу невозможно было ограничить только экономической сферой: «Окончательный исход борьбы за всемирный рынок будет решен посредством силы...»³⁶. Даже если немецкие бизнесмены добьются успеха, Германия вскоре снова окажется в ситуации 1914 года, вынужденная сражаться за доступ к всемирным рынкам в крайне неблагоприятных условиях. Вообще, Гитлер полагал, что зарождающееся экономическое доминирование США ставит под угрозу «глобальное значение» всех европейских стран. Если только политическим лидерам Европы не удастся вырвать население своих стран из его обычного «политического недомыслия», то «грозящая глобальная гегемония северо-американского континента» низведет их всех до положения «Швейцарии и Голландии»³⁷. Не то чтобы Гитлер был приверженцем панъевропейских идей. Он считал все подобные предложения чепухой, «еврейским» вздором. Европу в противостоянии с США должно возглавить самое сильное европейское государство по образцу Римской или Британской империй или, если на то пошло, Пруссии, объединившей немецкие земли в XIX в.

³³ Об этом и дальнейшем см. содержательный разбор в: P. Gassert, *Amerika im Dritten Reich* (Stuttgart, 1997), 35-6, 87-103, опровергающий все предыдущие работы о Гитлере и Америке.

³⁴ *Zweites Buch*, 58.

³⁵ *Ibid.*, 123.

³⁶ *Ibid.*, 123-4.

³⁷ *Ibid.*, 127-8.

В будущем единственным государством, которое сможет выступить против Северной Америки, станет то, которое поймет, как посредством сущности своей внутренней жизни и смысла своей внешней политики повысить цену своего народа в расовом смысле и наделить его государственностью, наиболее подходящей для этой цели <...> Задача национал-социалистического движения состоит в том, чтобы укрепить свою родину и подготовить ее к этой миссии³⁸.

Таким образом, в число врагов Гитлера, наряду с Францией и Советским Союзом, вошли и Соединенные Штаты, против которых следовало выступить после завершения внутренней консолидации, по возможности в союзе с Великобританией. Стоит подчеркнуть этот последний момент. Настойчиво делавшийся Гитлером акцент на необходимости союза с Великобританией вытекал не только из его главной цели – завоевания Востока, служившего ключевым стратегическим аргументом в *Mein Kampf* – но и из осознания Гитлером угрозы со стороны США – новой темы, появившейся в его «Второй книге».

Таким образом, Гитлер и Штресеман расходились в своей оценке положения Германии по отношению к начинавшемуся «веку Америки», как и в оценке относительного значения экономики и политики. Однако основой для этих расхождений служило более фундаментальное различие в отношении того, как они понимали историю³⁹. Оно наиболее четко иллюстрируется их реакцией на катастрофу Первой мировой войны. Сущность позиции Штресемана состояла в том, что война не изменила магистрального курса всемирной истории, диктуемого неизбежной траекторией экономического развития. Несмотря на то, что Германия потерпела поражение, война, ослабив Великобританию и Францию и усилив США, открыла путь к восстановлению германской мощи, пусть только в экономической сфере. Гитлер считал подобное мышление характерным для наивного оптимизма германских буржуа. Он не был пессимистом. Он отвергал мрачные пророчества Шпенглера. Однако в его глазах история никому не давала никаких гарантий. Фундаментальным определяющим фактором в истории для него был не предсказуемый телос экономического развития, а борьба между народами за средства существования. В этой битве за выживание исход никогда не был предрешен. Как заявлял Гитлер, даже в короткий «2000-летний период» истории человечества

мировые державы повелевали культурами, известными сейчас только из легенд, огромные города превращались в руины <...> Мы почти не в состоянии проникнуть <...> в заботы, потребности и страдания миллионов и миллионов отдельных людей, которые когда-то, в качестве живых существ, были творцами и жертвами этих событий <...> И как бесчувственно <...> настоящее. Насколько не обоснован его вечный оптимизм и насколько пагубно его упрямое невежество, его отказ видеть и отказ учиться⁴⁰.

Вывернуть население из этого оптимистического ступора и зарядить его чувством апокалиптического риска – вот истинная задача политического руководства. Идея о том, что Германия, подобно США, может просто постепенно двигаться к более высокому уровню жизни, представлялась Гитлеру заблуждением. Для него поражение в Первой мировой войне возвестило начальную точку борьбы, не менее решительной, чем между Римом и Карфагеном. Если только немцы не ответят на вызов, 1918 год вполне может стать предвестником такого же пол-

³⁸ *Zweites Buch*, 130.

³⁹ Анализ исторических представлений Гитлера см. в: F.-L. Kroll, *Utopie als Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich* (Paderborn, 1998). Однако Кроль придает недостаточное значение апокалиптическому мировоззрению Гитлера.

⁴⁰ *Zweites Buch*, 71.

ного упадка (*Untergang*), как тот, что испытали на себе великие цивилизации древности. Такая перспектива не оставляла места для пассивности и терпения. Перед лицом абсолютной безжалостности еврейско-большевистского врага могла стать оправданной даже стратегия, чреватая крайним риском. Аудиторию 1920-х и начала 1930-х гг. можно было простить за то, что она принимала экстремистские воинственные речи Гитлера за проявления риторической аффектации. Насколько серьезен он был со своим апокалипсическим мировоззрением, в полной мере выяснилось лишь после 1939 г.

III

Таким образом, немецкие избиратели должны были сделать решительный выбор, и он был сделан. На всеобщих выборах в мае 1928 г. партия Гитлера получила жалкие 2,5 % голосов, которые обеспечили ей всего 12 из 491 места в рейхстаге. Наоборот, несмотря на то, что доля НЛП снизилась, партия Штресемана все равно сохранила приличное представительство в парламенте, получив 45 мест⁴¹. И если национал-либералам оказывал щедрую поддержку крупный бизнес, то казна нацистов к осени 1928 г. настолько оскудела, что они были вынуждены отменить ежегодный партийный съезд. Продажи *Mein Kampf* так сильно упали, что издатели Гитлера решили придержать его «Вторую книгу» из опасения испортить рынок. НННП, еще одна ультраправая партия, вместо прежних 103 мест получила всего 73. Об этом поражении и вызванном им кризисе в руководстве националистического движения, который привел к тому, что главой НННП был выбран ультранационалист Альфред Гугенберг, летом и осенью 1928 г. кричали газетные заголовки. Наоборот, социал-демократы-основатели Веймарской республики – одержали крупную победу. Их представительство в рейхстаге выросло с 131 до 153 мест. Совместно со штресемановской НЛП, НДП и партией Центра они составляли работоспособное большинство с Германом Мюллером в качестве канцлера. Густав Штресеман остался министром иностранных дел уже на пятый год.

Таким образом, в 1928 г., несмотря на наличие таких элементов, как Гитлер и его партия, Веймарская республика имела функционирующую парламентскую систему и правительство, поставившее своей целью пересмотр Версальского договора под благожелательной эгидой США. Да, катастрофический обвал этой системы был возможен. Но даже самым пессимистически настроенным наблюдателям нужно было сильно постараться, чтобы предсказать, что через десять лет Германия снова ввергнет Европу в опустошительную войну и приступит к выполнению самой безжалостной кампании геноцида в истории человечества. История Веймарской республики не является темой настоящей книги. Но прежде чем начать рассказ о гитлеровском режиме, мы должны четко объяснить, как стратегия Штресемана потерпела крах, открыв дверь для намного более радикальных идей Гитлера.

Одним из ключевых факторов, вызвавших дестабилизацию Веймарской республики после 1929 г., являлось исчезновение надежд, возлагавшихся на американский «новый порядок» прореспубликанскими силами в Германии⁴². В 1923–1924 гг. успешная стабилизация Веймарской республики в первую очередь зависела от вмешательства США. Впоследствии привлекательность «атлантистской стратегии» Штресемана и Шахта опиралась на ожидания

⁴¹ L. E. Jones, *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933* (Chapel Hill, NC, 1988), 301–5.

⁴² После почти двух десятилетий продуктивного ревизионизма явно настало время вновь обратиться пристальное внимание на последствия ущербной американской гегемонии 1920-х гг., обрисованные в классической работе: С.Р. Kindleberger, *The World in Depression, 1929–1939* (Berkeley, 1986), развитием которой являются: Link, *Stabilisierungspolitik*, и Costigliola, *Awkward Dominion*. Разумеется, непосредственной причиной катастрофы 1930-х был новый всплеск германского национализма, в свою очередь, вызвавший «нежелание сотрудничать» со стороны французов. Ничуть не улучшила ситуацию и позиция Великобритании. Но с учетом очевидной хрупкости европейских взаимоотношений экзогенным причинным фактором послужила неспособность американцев сделать то, что они могли бы сделать.

роста американского влияния в Европе, которое в конце концов должно было расчистить путь к всеобъемлющему пересмотру условий Версальского договора. Для этого требовалось осознание Америкой связи между долговыми обязательствами перед ней, накопившимися во время войны у Великобритании и Франции, и репарационными требованиями, предъявлявшимися этими державами Германии. И действительно, Оуэн Янг весной 1929 г. вернулся в Париж для пересмотра соглашения о репарациях⁴³. Однако он не получил от новой администрации Герберта Гувера никаких полномочий на обнародование связи между военными долгами союзников и репарациями⁴⁴. А это, в свою очередь, означало, что план Янга не мог не разочаровать немцев⁴⁵. Вместо снижения ежегодных репарационных выплат с 2,5 млрд до 1,5 млрд довоенных золотых марок, на что надеялось правительство Мюллера, величина выплат сократилась незначительно – до 2 с небольшим млрд золотых марок. Кроме того, согласно плану Янга Германия упраздняла должность агента по репарациям. Это освобождало Германию от навязчивого и унижительного иностранного надзора и должно было стать первым шагом к переводу репарационных обязательств Германии на деполитизированную, коммерческую основу. Но в то же время это означало, что отныне Германии разрешалась отсрочка по выплате большей части репараций максимум на два года. И теперь решение должно было принимать уже германское правительство, а не «нейтральное» американское учреждение.

Разочарование, вызванное планом Янга, полностью уничтожило привлекательность «атлантистской стратегии». Раздражение, окружавшее переговоры, разрушило всякие надежды на крупномасштабную коммерциализацию германских «политических» долгов. Начиная с 1928 г. вместе с волной слухов о судьбе репараций и росте процентных ставок в США объемы долгосрочных американских займов Германии начали сокращаться⁴⁶. Германия и в 1929 г. продолжала брать займы и продавать иностранцам пай в немецких фирмах, но теперь более половины поступлений было получено на краткосрочной основе. За этим последовал еще один удар по трансатлантическим экономическим связям. В ходе предвыборной кампании Герберт Гувер заручился поддержкой Среднего Запада, пообещав введение протекционистских мер в сельском хозяйстве. Во время прохождения через конгресс этот законопроект, получивший печальную известность в качестве Закона Смута – Хоули, оброс многочисленными положениями, включая серьезную защиту от европейских промышленных товаров. К осени 1929 г. в Старом Свете знали не только то, что конгресс не пойдет на сколько-нибудь существенное снижение выплат по союзническим долгам и что не стоит ожидать получения новых долгосрочных кредитов от Америки, но и что новые тарифы, скорее всего, затруднят европейским должникам Америки зарабатывание долларов, требовавшихся им для обслуживания своих обязательств перед Уолл-стрит⁴⁷.

Мы уже никогда не узнаем, какой бы была реакция Штресемана на эту катастрофическую цепь событий. С весны 1928 г. его здоровье ухудшалось, и попытки не допустить разрыва между правым крылом НЛП и правительством «Большой коалиции» стали для него непосильной ношей. Через несколько часов после того, как ему удалось добиться согласия германского правительства на план Янга, Штресеман перенес несколько инсультов и умер. Но еще до его

⁴³ Case and Case, Owen D. Young, 434–54.

⁴⁴ Costigliola, *Awkward Dominion*, 206–15.

⁴⁵ P. Heyde, *Das Ende der Reparationen: Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929–1932* (Paderborn, 1998), 65–9. Почти в той же самой мере он не устраивал и Лондон. См.: R. W.D. Boyce, *British Capitalism at the Crossroads 1919–1932* (Cambridge, 1987), 186–216.

⁴⁶ Оценку относительного значения процентных ставок и плана Янга см.: Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 107–41.

⁴⁷ E. E. Schattschneider, *Politics, Pressures and the Tariff* (New York, 1935). В широком историческом плане значение Закона Смута – Хоули состояло в возвращении американских тарифов к максимально высоким уровням, преобладавшим до 1914 г. См.: A. E. Eckes, *Opening America's Markets* (Chapel Hill, NC, 1995), 106–9. То, что главным был не абсолютный уровень новых тарифов, а рост неопределенности, подчеркивается в: H. James, *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression* (Cambridge, Mass., 2001), 29.

безвременной смерти появились признаки скорой смены курса. Существует мнение о том, что за ростом интенсивности дискуссий между Штресеманом и французским министром иностранных дел Аристидом Брианом летом и осенью 1929 г. по крайней мере отчасти стояло чувство разочарования в Соединенных Штатах. А в последнюю неделю июня 1929 г. Штресеман заявил в рейхстаге, что Европа становится «колонией более удачливых». Настало время для того, чтобы «французская, немецкая, а может быть, и другие европейские экономики нашли способ совместно противостоять конкуренции, лежащей на всех нас тяжким грузом» – в этих словах Штресемана, прозвучал неожиданно неприязненный намек на США⁴⁸.

Так или иначе, поворот к европейской интеграции был единственной возможной реакцией на разочарование в надеждах, возлагавшихся на Америку⁴⁹. Диаметрально противоположный вариант представляло собой поведение Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка. Выражаясь языком теории эволюции, Шахт служит «недостающим звеном» между штресемановской стратегией экономического ревизионизма и односторонней милитаристской агрессией, сменившей ее после 1933 г. Подобно Штресеману, родившийся в 1877 г. в германо-американской семье Хорас Грили Ял мар Шахт сделал удачную карьеру в вильгельмовской Германии⁵⁰. В то время как отец Шахта тщетно пытался достичь успеха сперва в качестве журналиста, а затем предпринимателя, сам он в полной мере воспользовался полученным им первоклассным образованием. Как и у Штресемана, его первым занятием стало лоббирование интересов либеральных кругов, выступавших за свободную торговлю, за которым последовало быстрое восхождение по служебной лестнице в *Dresdner Bank*. В 1914 г. Шахт вошел в состав финансовой администрации оккупированной Бельгии, но в 1915 г. был вынужден подать в отставку из-за подозрений в коррупции. Вскоре после этого его нанял соперник *Dresdner*— *Nationalbank*. В качестве директора этого быстрорастущего предприятия Шахт стал одним из тех, кому гиперинфляция была действительно выгодна. Как и Штресеман, Шахт был *Vernunftrepublikaner* (республиканцем не по убеждениям, а по расчету). Будучи одним из основателей леволиберальной НДП, созданной в 1918 г., в разгар Рурского кризиса он был выдвинут Штресеманом на должность главы Рейхсбанка⁵¹. Впоследствии в Шахте многие видели важнейшего союзника Штресемана в его попытках вернуть Германии международное уважение. Шахт, которому часто приписывается стабилизация рейхсмарки в 1924 г., поддерживал тесные связи и с банковскими кругами в США, и с Монтегю Норманом, управляющим Английского банка. Более того, в период хаоса 1923–1924 гг. Шахт подумывал об альтернативной, британской стратегии, высказывая идею привязать рейхсмарку не к доллару, а к фунту стерлингов⁵². Но после того, как был принят план Дауэса, Шахт стал едва ли не более решительным приверженцем атлантистского подхода, чем сам Штресеман⁵³. Однако в еще большей степени, чем в случае Штресемана, эта рациональная концепция германской стратегии конфликтовала в душе у Шахта с глубоким чувством уязвленной национальной гордости. Намного настойчивее и намного менее тактично, чем Штресеман, Шахт связывал вопрос финансового урегулирования с требованиями возврата германских территорий⁵⁴. Шахт не только стремился добиться как можно более быстрого вывода французских войск с немецкой земли. Он пользо-

⁴⁸ Krüger, Aussenpolitik, 498-9; Wright, Stresemann, 475-6.

⁴⁹ О разочаровании немецкой общественности в США в конце 1920-х и начале 1930-х гг. см.: Gassert, Amerika, 78–86.

⁵⁰ Самой лучшей краткой биографией Шахта является: H. James, «Hjalmar Schacht», in R. Smelser, E. Syring and R. Zitelmann (eds.), *Die Braune Elite* (Darmstadt, 1993), II. 206-18. Также см. превосходную работу: N. Mühlen, *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr. Hjalmar Horace Greeley Schacht* (Zurich, 2nd edn., 1938).

⁵¹ Feldman, *Great Disorder*, 792-6, 821-3.

⁵² Schötz, *Kampf um die Mark*-, Feldman, *Great Disorder*, 827-35.

⁵³ Johann Houwink ten Cate, «Hjalmar Schacht als Reparationspolitiker (1926–1930)», *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 74 (1987), 186–228.

⁵⁴ Berg, *Stresemann*, 380-87.

вался любой возможностью для того, чтобы поднять вопрос границы с Польшей и даже требовал возвращения германских колоний. В апреле 1929 г. ревизионистские требования Шахта едва не привели к срыву переговоров по плану Янга. Сам этот план, несомненно, нанес тяжелейший удар по вере Шахта в американский вариант. Сразу же после смерти Штреземана Шахт перешел в открытую оппозицию к правительству Мюллера. Он использовал свои контакты на Уолл-стрит, чтобы саботировать попытки германского правительства получить новый американский заем, а 6 декабря 1929 г. опубликовал доклад с разгромной критикой не только плана Янга, но и всей финансовой стратегии, которой Веймарская республика придерживалась с 1924 г.⁵⁵ Дни Шахта на посту президента Рейхсбанка были явно сочтены. К весне 1930 г. он подал в отставку и связал свою судьбу с силами, собиравшимися на правом краю немецкого политического спектра и к тому моменту решительно выступавшими против какого-либо дальнейшего финансового сотрудничества с бывшими врагами Германии.

Однако большинство германских политических партий в целом сохраняло приверженность принципу соблюдения финансовых и политических обязательств перед Англией, Францией и США. Более того, требования, накладывавшиеся планом Янга, оправдывали урезание бюджета, крайне привлекательное для значительной части правых и делового сообщества. По этой причине «Большая коалиция» весной 1930 г. развалилась из-за вопроса бюджетных сокращений⁵⁶. После Германа Мюллера в Германии почти сорок лет не было ни одного канцлера от социал-демократов. Его сменил непреклонный националист и католик Генрих Брюнинг, возглавивший правительство меньшинства. Рейхсбанк вместо Шахта возглавил Ганс Лютер. С тех пор и до сего дня решения в сфере экономической политики, принятые канцлером Брюнингом и президентом Рейхсбанка Лютером с марта 1930 г. по май 1932 г., остаются предметом ожесточенных дискуссий⁵⁷. Впрочем, во многом они лишены смысла. Если иметь в виду наличие ограничений международного характера, то станет ясно, что у Брюнинга и Лютера – по крайней мере в 1930 г. – были связаны руки⁵⁸. Согласно правилам золотого стандарта, в условиях, когда в соответствии с планом Янга Германия ежегодно выплачивала по 2 млрд рейхсмарок, а международные рынки капитала все более нервно относились к германским займам, единственным выходом оставалась дефляция⁵⁹. Это повлекло за собой огромные политические издержки. В апреле-июле 1930 г. германская парламентская система раскололась в ходе борьбы вокруг дефляционного пакета Брюнинга. Чтобы ввести крайне непопулярный избирательный налог, Брюнинг 16 июля 1930 г. впервые воспользовался чрезвычайными полномочиями согласно статье 48 Веймарской конституции. После изданного 26 июля указа о всеобъемлющих чрезвычайных мерах последовали новые бюджетные сокращения и повышения налогов. На фоне краха всемирной торговли и неумолимого давления делового цикла экономика страны вошла в пике. С июня 1930 г. по февраль 1931 г. число безработных выросло на 2,1 млн человек, что вдвое превышало обычный сезонный прирост. На всеобщих выборах в сентябре 1930 г. национал-социалисты Гитлера добились оглушительного электорального про-

⁵⁵ Hardarch, *Weltmarktorientierung*, 110-11.

⁵⁶ H. A. Winkler, *Weimar 1918–1933* (Münich, 1993), 364–80.

⁵⁷ J. von Krüdener (ed.), *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933* (Oxford, 1990); I. Kershaw (ed.), *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* (London, 1990). Последней из критических работ протокейнсианского и кейнсианского толка является: R. Meister, *Die Grosse Depression: Zwangslagen und Handlungsspielraume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932* (Regensburg, 1991).

⁵⁸ Первоначальную констатацию этого факта в немецкой работе см. в: K. Borchardt, «Zwangslage und Handlungsspielraume in der grossen Weltwirtschaftskrise der frühen dreissiger Jahre», in K. Borchardt, *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraume der Wirtschaftspolitik* (Göttingen, 1982), 165-82. Развитие этой идеи в международном плане см. в: B. Eichengreen, *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1933* (Oxford, 1992), 230-46.

⁵⁹ По вопросу о том, были ли международные рынки капитала после принятия плана Янга абсолютно закрытыми для Германии, мнения расходятся; ср.: Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 105-20, и T. Ferguson and P. Temin, «Made in Germany: The German Currency Crisis of July 1931», *Research in Economic History*, 21 (2003), 1-53. Сжатие рынка, несомненно, было достаточным для принятия серьезных внутренних мер.

рыва, получив уже не 2,5 %, а 18,3 % голосов, которые принесли им 107 депутатских мандатов и сделали их второй по величине партией в рейхстаге. Из-за последовавшего бегства капитала Рейхсбанк лишился трети своих резервов и был вынужден еще сильнее поднять учетную ставку⁶⁰. Но в то же время дефляционная стратегия позволила добиться поставленной цели. Торговый дефицит, составлявший в 1928 г. 2,9 млрд рейхсмарок, к 1931 г. превратился в торговый профицит в 2,8 млрд рейхсмарок (см. Приложение, таблица А1). Однако причиной этого профицита был не рост экспорта, а тот факт, что вследствие депрессии спрос на импортируемые товары падал еще быстрее, чем продажи немецких товаров за рубежом. По мере того как закрывались заводы, а германское общество поражала безработица и бедность, спрос на зарубежное сырье и потребительские товары резко сократился. Это был жестокий процесс адаптации, но Германия следовала обычным требованиям, продиктованным механизмом золотого стандарта. В награду за это Брюнинг в октябре 1930 г. получил промежуточный кредит в 125 млн долларов, организованный для него фирмой *Lee, Higginson and Co.* из Нью-Йорка⁶¹.

Если у правительства Брюнинга в 1930 и начале 1931 гг. имелось пространство для маневра, то лишь в сфере внешней политики, а не экономики, и оно воспользовалось этим пространством самым пагубным образом⁶². Вместо того чтобы следовать применявшейся в 1920-х гг. формуле Штресемана, сочетавшего экономические обязательства с осторожной дипломатией, Брюнинг и Юлиус Куртиус наряду с соблюдением финансовых положений плана Янга придерживались внешнеполитической риторики, позаимствованной у правых националистов. Первым элементом новой германской политики стало решение о постройке двух новых крейсеров, несмотря на отчаянное финансовое положение страны. Вторым и третьим элементами являлись предложение о создании австро-германского таможенного союза и все более активная немецкая политика в Центральной и Юго-Восточной Европе, нашедшая выражение в попытках заключить эксклюзивные двусторонние торговые соглашения с Венгрией и Румынией. Все три зубца этой стратегии были нацелены на Францию. Это логически вытекало из предшествовавшего отрицательного ответа Брюнинга на выдвинутое Брианом предложение об укреплении франко-германского экономического сотрудничества. Но момент для таких действий был выбран исключительно неудачно. На протяжении 1920-х гг. германская политика исходила из того, что хотя Франция представляет собой главную военную угрозу для Германии, в финансовом смысле она является третьестепенной державой, несопоставимой с США и Великобританией⁶³. Однако к 1931 г. такая точка зрения означала серьезное непонимание соотношения сил в международной финансовой системе. После стабилизации франка в 1926 г. французский центральный банк приступил к систематическому накоплению золота. К 1931 г. его золотой запас существенно превышал запас Английского банка и даже приближался к запасам Федерального резерва США. Достоин внимания то, что в начале 1931 г. Бриан повторил попытку сблизиться с Германией, предложив открыть парижский рынок капитала для долгосрочных германских займов с целью содействовать Брюнингу в выполнении плана Янга. В ответ на это правительство Брюнинга 21 марта 1931 г. публично огласило предложение об австро-германском таможенном союзе, отрезав все пути к франко-германскому экономическому сотрудничеству.

Своей агрессивной внешней политикой Брюнинг еще больше сузил себе пространство для экономического маневра⁶⁴. В отсутствие возможностей для получения внешних займов Брюнингу не оставалось ничего иного, кроме как пойти на еще один болезненный раунд дефля-

⁶⁰ Hardarch, *Weltmarktorientierung*, 120-21.

⁶¹ Wala, *Weimar und Amerika*, 158-66.

⁶² Krüger, *Aussenpolitik*, 507-51.

⁶³ О пренебрежительном отношении Шахта к Франции см.: Cate, «Hjaimar Schacht».

⁶⁴ В полном соответствии с: Ferguson and Temin, «Made in Germany».

ции. А чтобы сделать ее приемлемой для отечественного электората, требовались немедленные шаги к ускоренному пересмотру плана Янга. Поэтому 6 июня 1931 г., наряду со вторым чрезвычайным дефляционным указом, Брюнинг выдвинул агрессивное требование об отмене репараций⁶⁵. Именно этот ход стал началом катастрофы. Финансовые рынки еще с марта испытывали беспокойство из-за зловещего возрождения германского национализма. Но несмотря на банковский кризис в Австрии, не происходило «набегов» ни на немецкие банки, ни на немецкую валюту⁶⁶. Толчком к кризису послужила дальнейшая эскалация международных трений, вызванная действиями Брюнинга. В течение нескольких часов после агрессивного коммунике германского правительства мировые финансовые рынки охватил страх того, что Брюнинг объявит односторонний мораторий как на репарации, так и на обязательства Германии перед частными кредиторами. За следующую неделю резервы Рейхсбанка сократились с 2,6 млрд до 1,9 млрд рейхсмарок. Несмотря на шокирующий рост процентных ставок, объемы резервов неумолимо сокращались, приближаясь к минимальному уровню, требовавшемуся для «золотого обеспечения» валюты. К 17 июня, когда газеты вышли с заголовками о проблемах банков DANAT и *Dresdner*, Рейхсбанк уже столкнулся с полномасштабным валютным кризисом. Более того, внешняя финансовая ситуация Германии была настолько тяжелой, что 20 июня президент Герберт Гувер был вынужден пойти на беспрецедентно резкое вмешательство.

Базовая логика атлантистской стратегии продолжала действовать и в начале лета 1931 г., несмотря на то, что ситуация в Германии становилась критической⁶⁷. Неверно оценив реакцию Франции, администрация Гувера в ответ на резкий поворот внешней политики Брюнинга к национализму придерживалась поразительно слабой линии⁶⁸. Вместо того чтобы резко раскритиковать предложение о таможенном союзе, Вашингтон демонстрировал готовность рассматривать его как первый шаг на пути к европейской экономической интеграции. Осенью 1931 г. Госдепартамент США даже выразил неудовольствие по поводу того, что Франция и Польша не спешат отвечать на озабоченность Германии вопросом своих восточных границ. Но что самое главное, 20 июня 1931 г. в ответ на разговоры о неминуемом моратории по долгам Вашингтон наконец-то согласился увязать репарации с военными долгами союзников⁶⁹. В интересах защиты американских займов, выданных Германии, Гувер предложил объявить всеобщий мораторий как на германские «политические платежи», так и на военные долги союзников, тем самым расчистив путь к формальной отмене германских обязательств по репарациям, объявленной год спустя на Лозаннской конференции⁷⁰. Однако в июне 1931 г. французы не были склонны к уступкам. Гувер не провел предварительных консультаций с французами. Париж, возмущенный тем, что США поставили интересы своих кредиторов, выдававших долгосрочные займы, выше французских требований о репарациях, протянул с одобрением моратория до 6 июля. Этого хватило для того, чтобы германская финансовая система потеряла сотни миллионов рейхсмарок в зарубежной валюте. Именно в этот решающий период банковский и валютный кризис слились воедино, что имело фатальные последствия. В понедельник 13 июля произошло банкротство банка DANAT, и население бросилось снимать деньги в другие банки⁷¹. Кабинет министров и Рейхсбанк были вынуждены приостановить работу герман-

⁶⁵ Winkler, *Weimar*, 404-14.

⁶⁶ Этот момент был впервые отмечен в: Hardach, *Weltmarktorientierung*, 126-31, и дополнительно подчеркнут в: Ferguson and Temin, «Made in Germany».

⁶⁷ Как пишет Винклер, Брюнинг мог бы объявить мораторий Гувера триумфом германской внешней политики: Winkler, *Weimar*, 415.

⁶⁸ Costigliola, *Awkward Dominion*, 235-8. Об американской политике в Берлине с декабря 1930 по июль 1931 гг. см.: B. V. Burke, *Ambassador Frederic Sackett and the Collapse of the Weimar Republic, 1930-1933* (Cambridge, 1994), 113-44.

⁶⁹ Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 150-51; Wala, *Weimar und Amerika*, 169-79.

⁷⁰ Heyde, *Das Ende*, 200-24.

⁷¹ G. D. Feldman in L. Gall, G. D. Feldman, H. James, C.-L. Holtfrerich and H. E. Buschgen, *The Deutsche Bank 1870-1995* (London, 1995), 240-76.

ской финансовой системы, а 15 июля объявить о новой системе валютного контроля, покончившей со свободным функционированием золотого стандарта в Германии⁷². Золотое содержание рейхсмарки номинально осталось прежним. Однако с лета 1931 г. запасы иностранной валюты, находившиеся в частном владении, подлежали в Германии национализации. Любой резидент, каким-либо образом получивший иностранную валюту, был обязан обменять ее в Рейхсбанке на рейхсмарки. Всякий, кто нуждался в иностранной валюте, мог получить ее лишь по заявке, поданной в Рейхсбанк, и выдача валюты по таким заявкам была строго ограничена. Импортёры получали иностранную валюту в количествах, соответствовавших фиксированной доле от объема их зарубежных транзакций на протяжении 12 месяцев, предшествовавших кризису. Таким образом, Рейхсбанк получил возможность контролировать весь импорт. В августе последним штрихом кризиса стало так называемое соглашение о моратории, по которому мораторий на германские репарации распространялся на германские краткосрочные кредиты – самый нестабильный элемент в немецкой «горе долгов»⁷³.

Но на этом буря не утихла. Следующей жертвой волны финансовой нестабильности, накрывшей Европу, после Вены и Берлина, стал Лондон. 20 сентября, после нескольких недель яростной атаки спекулянтов на фунт стерлингов, Великобритания вслед за Германией отменила золотой стандарт⁷⁴. Однако, в отличие от Рейхсбанка, Английский банк предпочел покончить с золотым стандартом не приостановив свободную конвертируемость национальной валюты, а отказавшись от фиксированной привязки фунта к золоту. Фунт стерлингов по-прежнему можно было свободно продавать и покупать, но его стоимость уже не обеспечивалась золотом. За несколько недель ведущая мировая торговая валюта рухнула относительно рейхсмарки на 20 %. Глобальная финансовая система лишилась якоря. Отказ Великобритании от золотого стандарта превратил суровую рецессию в глубокий кризис международной экономики. К концу сентября 12 стран вслед за Великобританией пустили свою валюту в свободное плавание. Еще и стран девальвировали обменный курс своих валют, сохранив привязку к золоту; те же, кто, подобно Германии, Франции и Нидерландам, придерживался прежнего курса национальной валюты к золоту, были вынуждены защищать свой платежный баланс, введя драконовские ограничения на конвертируемость валюты и торговлю ею. Таким образом удавалось контролировать объемы импорта. Но при этом германские экспортеры столкнулись с колоссальными препятствиями. Поскольку большинство важнейших торговых конкурентов Германии благодаря девальвации валюты получили серьезные конкурентные преимущества, объем германского экспорта с 1931 по 1932 г. упал еще на 30 %. С трудом завоеванный торговый профицит, составлявший в 1931 г. 2,8 млрд рейхсмарок, через год сократился до нескольких сотен миллионов рейхсмарок, но даже этот неустойчивый баланс удавалось поддерживать лишь с помощью дальнейшего драконовского сокращения импорта. К весне 1932 г. твердая валюта стала доступна для германских импортёров в объемах, составлявших половину докризисных⁷⁵.

Очевидный способ облегчить положение Германии заключался в том, чтобы девальвировать рейхсмарку и восстановить ее прежний курс по отношению к фунту стерлингов⁷⁶. Более того, Английский банк уже летом высказывался в пользу девальвации рейхсмарки как самого

⁷² Hardach, *Weltmarktorientierung*, 139.

⁷³ Heyde, *Das Ende*, 255–64. Как указывается в Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 154–6, «соглашение о моратории» также ставило на первое место интересы американских кредиторов, выдававших краткосрочные займы.

⁷⁴ *The Economist*, 26 September 1931, 547–8.

⁷⁵ *Der Deutsche Volkswirt*, 1.04.1932, 869, 875.

⁷⁶ J. Schiemann, *Die deutsche Währung in der Weltwirtschaftskrise 1929–1933* (Berne, 1980), 166–292; Heyde, *Das Ende*, 280–96; K. Borchardt, «Zur Frage der währungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise», in Borchardt, *Wachstum, Krisen, Handlungsspielräume*, 206–24.

эффективного ответа на банковский и валютный кризис⁷⁷. Не следует воображать, будто соответствующие должностные лица в Германии и слышать не хотели о такой мере. Брюнинг впоследствии утверждал, что надеялся осуществить 20-процентную девальвацию после окончания острой фазы кризиса и накопления Германией достаточных резервов зарубежной валюты для того, чтобы гарантированно поддерживать новый курс рейхсмарки⁷⁸. В сентябре 1931 г. Ял мар Шахт выражал надежду, что Германия сумеет воспользоваться британскими затруднениями, чтобы добиться торговых и кредитных уступок при сохранении привязки рейхсмарки к фунту стерлингов. Однако с такой стратегией были связаны серьезные риски, очень хорошо осознававшиеся Рейхсбанком. В общественном сознании девальвация была неотъемлемо связана с опытом гиперинфляции. В 1922 и 1923 гг. падавший на глазах курс рейхсмарки к доллару служил ежедневным напоминанием о бедственном положении Германии. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что немецкие экономисты и финансовые аналитики запугивали себя сценарием, в соответствии с которым серьезная девальвация должна была резко повысить стоимость импорта, привести к инфляции. Рейхсбанк, несомненно, беспокоился о том, что ограниченные резервы валюты сделают его беззащитным в случае спекулятивной атаки на девальвированную германскую валюту. Однако в итоге решающим фактором стало влияние девальвации на стоимость германского внешнего долга. Его основная часть была деноминирована в иностранной валюте. Соответственно, снижение стоимости рейхсмарки немедленно привело бы к росту долговых обязательств Германии, выраженных в рейхсмарках. Хотя Английский банк приветствовал германскую девальвацию, США четко дали понять, что желают, чтобы Германия обслуживала свои долгосрочные займы и в то же время защищала свой платежный баланс с помощью мер валютного контроля⁷⁹. После того как президент Гувер наконец сказал свое веское слово по вопросу о репарациях и даже намекнул на то, что мог бы поддержать претензии Германии к Польше, Берлин еще раз сделал выбор в пользу атлантической стратегии. Правительство канцлера Брюнинга рассчитывало, что рано или поздно (скорее рано) американские действия, связанные с военными долгами, заставят Великобританию и Францию пойти на отмену репараций. А это, как уверенно ожидал Брюнинг, должно было проложить путь к нормализации политических и экономических отношений в Европе⁸⁰. Однако в результате прошло 12 катастрофических месяцев, прежде чем в Лозанне наконец была заключена сделка. Между тем перспективы германской экономики выглядели все более мрачными.

Брюнинг, вынужденный сохранять привязку к золоту из-за американских займов, но столкнувшийся с девальвацией большинства валют, в которых осуществлялась германская торговля, не имел иного выхода, кроме очередного раунда дефляции, и пошел на него своим указом. Четвертый президентский чрезвычайный указ от 8 декабря 1931 г., запретив ношение партийной формы и политические демонстрации, также предусматривал обязательное сокращение ставок заработной платы, жалованья, цен и процентных ставок, за которым последовали дальнейшее сокращение государственных расходов и повышение налогов⁸¹. Как выразился журнал *The Economist*, это покушение на «экономические свободы не имело аналогов за пределами СССР»⁸². В качестве своего комиссара по дефляции Брюнинг избрал ультраконсервативного мэра Лейпцига Карла Герделера, немедленно приступившего к выполнению активно рекламировавшейся кампании экономии⁸³. Однако она не могла скрыть того факта, что Гер-

⁷⁷ О том, как это обсуждалось в то время, см.: *The Economist*, 3 October 1931, 613.

⁷⁸ Schieman, *Die deutsche Waehrung*, 188, 207-14.

⁷⁹ О роли Америки при подталкивании Германии к валютному контролю см.: Ritschl, *Krise und Konjunktur*, 153-4. Против каких-либо подобных шагов выступала и Франция: Schieman, *Die deutsche Waehrung*, 195-200.

⁸⁰ H. Mommsen. «Heinrich Brüning as Chancellor», in H. Mommsen, *From Weimar to Auschwitz* (Cambridge, 1991), 119-40.

⁸¹ Winkler, *Weimar*, 435-7.

⁸² *The Economist*, 19 December 1931, 1115.

⁸³ S. Gillmann and H. Mommsen (eds.), *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Gördelers* (München, 2003), 179-83, 214-

мании грозил крах. Число безработных превысило 6 млн человек, и крупные сектора экономики ожидало неминуемое банкротство. Инфляция, несомненно, была пугалом для немецкого общества. Но в том, что касается непосредственного влияния на экономику, дефляция, несомненно, имела бесконечно более пагубные последствия, в первую очередь из-за ее влияния на бухгалтерские балансы. В то время как доходы и выручка сокращались одновременно с дефляцией цен и заработков, долговые, ипотечные и прочие финансовые обязательства оставались на высоких докризисных уровнях. Зимой 1931–1932 г. банкротства начали подрывать основы германского бизнеса. После летнего кризиса 1931 г. все крупные банки находились под контролем государства. Произошел ряд громких банкротств в страховом деле и в машиностроении. С трудом держалась AEG – одна из главных германских электротехнических фирм. Кризиса удалось избежать лишь крупнейшему европейскому стальному и угольному конгломерату *Vereinigte Stahlwerke* благодаря тому, что государство приобрело большой пакет его акций, прежде принадлежавших Фридриху Флику. Как говорил своему однопартийцу министр финансов Герман Дитрих, «Я не собирался национализировать половину Рура <...> но угроза того, что иностранные круги скупают акции, и тот факт, что банкротство <...> задело бы <...> *Stahlverein*, что, в свою очередь, потрясло бы с таким трудом восстановленную структуру германских банков, не оставляли мне выбора...»⁸⁴.

Перед лицом надвигающейся экономической катастрофы развалился «дефляционный консенсус», на который опирался Брюнинг в течение первых 18 месяцев своего канцлерства⁸⁵. Роль застрельщика при этом снова сыграл Ялмар Шахт. На протяжении 1930 г. и в начале 1931 г. Шахт удерживался от открытой критики в адрес правительства Брюнинга – возможно, в надежде вернуться на свою прежнюю должность в составе консервативно-националистической коалиции. После летних катастроф 1931 г. Шахт отказался от этой сдержанности на съезде националистических сил, проходившем в Бад-Харцбурге, выступив с резким обличением бесхребетности репарационной политики Брюнинга⁸⁶. Он заявил, что обновление Германии – вопрос не партийных политических программ и даже не вопрос ума. Это вопрос «личности». И Шахт уже не делал тайны из источника, от которого ожидал этого нравственного возрождения. Главными организаторами съезда были Гугенберг и НННП. Но на первые полосы газет попало появление Шахта на трибуне Харцбурга рядом с Адольфом Гитлером⁸⁷.

IV

Националистический поворот в германской внешней политике, произошедший в 1930–1931 гг., несомненно, был катастрофически несвоевременным. Тем не менее мораторий Гувера и стремление американцев покончить с репарациями означали, что атлантическая программа в известном смысле пришла к логическому завершению. В обычных условиях дальнейшее существование трансатлантической финансовой оси, конечно, оставалось бы привлекательным вариантом для Германии. Однако крах американской экономики и решение британцев отказаться от золотого стандарта потрясли финансовые предпосылки, на которых основывалась политика Штресемана. Единство и взаимозависимость мировой экономики, отнюдь не

32, 240–47.

⁸⁴ A. Reckendrees, *Das «Stahltrust-Projekt»* (Münich, 2000), 471–507.

⁸⁵ G. D. Feldman «From Crisis to Work Creation: Government Policies and Economic Actors in the Great Depression», in J. Kocka, H.-J. Puhle and K. Tenfelde (eds.), *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat* (Münich, 1994), 703–18.

⁸⁶ Тогда же, в октябре 1931 г., с Брюнингом порвало и правое крыло НЛП, бывшей партии Штресемана: Winkler, Weimar, 430–32.

⁸⁷ Об аплодисментах в адрес Гитлера и Шахта см.: G. Schulz (ed.), *Politik und Wirtschaft in der Krise 1929–1933* (Düsseldorf, 1980), doc. 341, Бланк – Ройшу, 12.10.1931, 11.1039–43. О сенсации, которую вызвало выступление Шахта, см. сообщения от 11 и 12 октября 1931 г. в: *Schulthess' Europäischer Geschichtsa-lender* (Münich, 1932), 224–9.

будучи самоочевидной исторической необходимостью, оказались под очень большим вопросом. Разумеется, и внутри Германии, и за ее пределами раздавались голоса, призывавшие к конструктивным усилиям по перестройке основ международного порядка⁸⁸. Но в условиях глобальной экономической катастрофы многим казалось, что на самом деле проблемой является сама международная экономическая взаимозависимость⁸⁹. Теперь намного большим доверием пользовались националистические идеи – проекты будущего, в котором глобальные финансовые связи не оказывали решающего влияния на судьбы наций⁹⁰. Четыре ключевых элемента этой националистической повестки дня вышли на передний план еще до того, как Гитлер пришел к власти. И в массовом историческом сознании, и в исторической литературе широко укоренилось предубеждение, согласно которому действительно важным нововведением в экономической политике Третьего рейха по сравнению с экономической политикой Веймарской республики стало начавшееся после 1933 г. срочное осуществление программ национального возрождения и создания рабочих мест⁹¹. Грубо говоря, считается, что Генрих Брюнинг сделал своим фетишем дефляцию. И напротив, важнейшую роль в пропаганде гитлеровского режима играли создание рабочих мест и борьба с безработицей. В свете происходившей почти в то же самое время «кейнсианской революции» в экономике этот контраст между тем, что было до и после 1933 г., наделяется еще большим историческим значением. С точки зрения как немецких, так и зарубежных кейнсианцев крах Веймарской республики навсегда останется самым выразительным примером последствий, вытекающих из избыточной веры в возможности свободного рынка к самоисцелению: эта риторическая связь активно использовалась во время затяжных арьергардных сражений кейнсианцев с интеллектуальными силами «новых правых» в 1970-1980-х гг.⁹² Историю Германии в 1929–1933 гг., несомненно, можно трактовать именно в этом плане. Но если мы хотим разобраться в природе гитлеровского режима, избегая этой анахронистической точки зрения, то акцент на создании рабочих мест, как ключ к пониманию нацистской экономической политики, представляется неуместным. Фактически создание рабочих мест как тема обширных дискуссий на правом крыле германской политики всплывает лишь во второй половине 1931 г. Нацистская партия сделала создание рабочих мест ключевым пунктом своей программы только в конце весны 1932 г., и оно сохраняло этот статус всего 18 месяцев, до декабря 1933 г., когда расходы на создание рабочих мест в гражданском секторе были формально удалены из списка приоритетов гитлеровского правительства. Несмотря на заявления геббельсовской пропаганды и интерес позднейших комментаторов и историков к этой теме, меры по созданию рабочих мест в гражданской экономике явно не занимали главного места в повестке дня националистической коалиции, захватившей власть в январе 1933 г. По сути, этот вопрос служил предметом самых серьезных разногласий между партнерами по январской коалиции 1933 г.⁹³ Против экономических мер, финансируемых за счет кредитов, яростно выступал Гугенберг, глава НННП и незаменимый партнер Гитлера по коалиции. К созданию рабочих мест также с подозрением относились близкие к Нацистской

⁸⁸ Либеральные силы по-прежнему спланивались вокруг журнала Густава Штольпера *Der Deutsche Volkswirt* см., например, сделанный Вильгельмом Репке обзор последних публикаций Фердинанда Фрида в: *Der Deutsche Volkswirt*, 6.01.1933, 437-8-

⁸⁹ James, *The End of Globalization*, 187-99.

⁹⁰ E. Teichert, *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939* (Münich, 1984).

⁹¹ См., например, интересную элизию в названии работы: D. P. Silverman, *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936* (Cambridge, 1998) [«Гитлеровская экономика: нацистские программы по созданию рабочих мест, 1933-1936»]-

⁹² Возможно, она наиболее заметна в генеалогии немецкого кейнсианства, описанной в пятитомном издании: G. Bombach et al. (eds.), *Der Keynesianismus* (1976-84). Интересным недавним проявлением этого жанра в исполнении ни много ни мало как экономического корреспондента «Би-би-си» служит работа: J. Peter and M. Stewart, *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and the Suicide of Democracy 1989–2000* (London, 1987).

⁹³ О том, что Шахт в августе 1932 г. предостерегал Гитлера от каких-либо чересчур конкретных заявлений по экономической политике, см.: *IMT, Nazi Conspiracy and Aggression* (Washington, 1946#7), II, EC-456, 513-14.

партии деловые и банковские круги, нашедшие по данному вопросу активного сторонника в лице Ялмара Шахта. Совсем иначе обстояло дело с тремя приоритетными темами, действительно объединявшими правых националистов и сделавшими возможным создание гитлеровского правительства 30 января 1933 г.: перевооружением, отказом от внешних долгов Германии и спасением немецкого сельского хозяйства. Именно они находились на первом месте в повестке дня правых еще с 1920-х гг. После 1933 г. их осуществление было объявлено приоритетным – при необходимости даже за счет создания рабочих мест. Водоразделом между Веймарской республикой и Третьим рейхом стали шаги, предпринятые Гитлером для решения именно этих вопросов.

Разоружение и международные финансы были связаны друг с другом еще с 1920-х гг. Но в 1932 г. в последней отчаянной попытке найти мирное решение европейских проблем администрация президента Гувера еще более тесно увязала их друг с другом⁹⁴. К концу 1931 г. все стороны согласились с тем, что отмена репараций зависела от списания американцами французских и британских военных долгов. На практике этот консенсус нашел отражение в чрезвычайном моратории 1931 г. Однако Гуверу по-прежнему требовалось получить согласие конгресса на списание долгов, а для этого нужно было достичь каких-либо подвижек по вопросу о разоружении. То, что Франция и Великобритания могли использовать финансовую поблажку, полученную от Америки, для увеличения военных расходов, было абсолютно неприемлемо. Поэтому в начале 1932 г. американцы одновременно созвали две конференции: в Женеве – по разоружению, и в Лозанне – по «политическим» долгам. Роль третьей трибуны играли затянувшиеся приготовления к международной конференции по глобальной экономике, которая должна была рассмотреть проблему расстройств мировой финансовой системы и вредного усиления международного протекционизма. В 1920-х гг. перед лицом предыдущих попыток Америки внести изменения в мировой порядок Штресман положил в основу своей стратегии стремление закрепить за Германией роль ключевого союзника США. Напротив, начиная с 1932 г. правительства Франца фон Папена, генерала Курта фон Шлейхера и, наконец, Адольфа Гитлера занимали диаметрально противоположную позицию. Вместо того чтобы искать источник процветания и безопасности в многосторонних соглашениях, соблюдение которых гарантировалось бы мощью Соединенных Штатов, они стремились добиться для Германии односторонних преимуществ – при необходимости даже путем противодействия усилиям Америки по восстановлению международного порядка⁹⁵.

Тайная подготовка к перевооружению Германии продолжалась в течение всех 1920-х гг., но никогда не принимала действительно угрожающего размаха⁹⁶. Штресман неизменно принимал меры к тому, чтобы подпольная деятельность военных не ставила под удар его главную цель – добиться вывода французских войск с немецкой земли и существенного снижения репараций. Уход последних иностранных войск из Рейнской области летом 1930 г. создал условия для более конкретных решений. Брюнинг отдавал явное предпочтение графику, при котором германская армия – рейхсвер – должна была начать перевооружение сразу после снятия вопроса о репарациях. К декабрю 1931 г. рейхсвер окончательно принял второй так называемый *Rüstungsplan* («план перевооружения»), предусматривавший расходы в объеме немногим более 480 млн рейхсмарок в течение пяти лет⁹⁷. Согласно этому плану Германия в случае

⁹⁴ О взаимосвязи между тремя конференциями см.: M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936* (Wiesbaden, 1980), 236–44; Costigliola, *Awkward Dominion*, 218–61; P. Clavin, *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–36* (New York, 1996).

⁹⁵ Краткое, но информативно об этой проблеме рассказывается в: H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 51–9.

⁹⁶ M. Geyer, «Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP, and the Seizure of Power», in Peter D. Stachura (ed.), *The Nazi Machtergreifung* (London, 1983), 101–23; M. Geyer, «Militär, Rüstung und Aussenpolitik: Aspekte militärischer Revisionspolitik in der Zwischenkriegszeit», in Manfred Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte* (Düsseldorf, 1976), 239–68.

⁹⁷ M. Geyer, «Das Zweite Rüstungsprogramm (1930–1934)», *MGM* 17 (1975), 125–72.

нападения получала возможность выставить оборонительные силы в количестве 21 дивизии, оснащенные небольшим количеством артиллерии, танков и самолетов. Более амбициозный вариант этого плана, известный как *Milliardenprogram* («программа на миллиард рейхсмарок»), предполагал дополнительные расходы на создание промышленной инфраструктуры, требовавшейся для постоянного содержания этих сил. Однако, поскольку эти планы не требовали увеличения численности рейхсвера по сравнению со штатами мирного времени, они (по крайней мере формально) не нарушали условий Версальского договора. На протяжении 1932 г., благодаря росту влияния генерала Шлейхера в германской политике, планы рейхсвера становились все более смелыми и срочными. Во второй половине 1932 г. руководство рейхсвера задумалось о резком увеличении его численности в мирное время – открытое нарушение Версальского договора. План реорганизации, утвержденный Шлейхером 7 ноября 1932 г., предусматривал создание постоянной армии размером в 21 дивизию, кадровым ядром которой должны были стать 147 тыс. профессиональных военнослужащих, и значительного ополчения. Осенью 1932 г. немецкая делегация на женевских переговорах о разоружении временно покинула конференцию в попытке принудить Францию и Великобританию к признанию равноправного статуса Германии: любые договоренности должны были в равной мере распространяться на всех участников. Однако Шлейхер, в декабре 1932 г. ставший канцлером, по-прежнему воздерживался от полного разрыва с международным сообществом. Добившись согласия на соблюдение принципа равенства (с другими державами), немцы вернулись в Женеву. Тем не менее за спиной у Шлейхера стояла более агрессивная когорта генералов, включая Вернера фон Бломберга, призывавшего к одностороннему перевооружению в открытом порядке. Более того, практические проблемы перевооружения диктовали свой собственный график. Великая депрессия все сильнее сказывалась на состоянии германского машиностроения. Казалось, что, если государство в ближайшее время не выделит существенных средств, те промышленные мощности, от которых в конечном счете зависело перевооружение, вскоре могут быть утрачены⁹⁸. Именно это имело в виду правительство генерала Шлейхера, первым прибегнув к созданию рабочих мест – как к средству скрыть военные расходы от иностранных наблюдателей, так и к способу объединить немецкий народ с помощью программы перевооружения.

В строго экономическом плане ключевым моментом, определявшим повестку дня германского национализма начиная с принятия плана Дауэса в 1924 г., было не создание рабочих мест, а отказ от международных обязательств Германии— сперва от репараций, а затем от международных кредитов, которые брались с начала 1920-х гг. (чтобы выплачивать репарации). Как мы видели, вплоть до 1932 г. эта логика диктовала необходимость держаться за США. План Янга по крайней мере предполагал снижение ежегодных выплат, а какую-либо надежду на полную отмену репараций давала только позиция США. Поэтому ультранационалисты оставались в меньшинстве, а выполнение обязательств по-прежнему служило краеугольным камнем серьезной государственной политики. Однако к осени 1932 г. ситуация заметно изменилась. В июле 1932 г. на лозаннской конференции по репарациям Великобритания и Франция согласились на сделку, де-факто положившую конец германским репарационным платежам⁹⁹. Существенно, что при этом, вопреки пожеланиям американцев, они увязали аннулирование всех германских обязательств со списанием своих военных долгов перед Америкой. Британия произвела последнюю выплату по американским военным долгам в декабре 1932 г., но лишь после того, как США заявили протест. Франция, Бельгия, Польша, Эстония и Венгрия просто объявили себя неплатежеспособными. Премьер-министр Эдуар Эррио, выступавший за выполнение французских обязательств, потерпел сокрушительное поражение в парламенте.

⁹⁸ О поддержке, оказываемой военными фирмам, находившимся в сложном положении, см.: E.W. Hansen, *Reichswehr und Industrie* (Boppard, 1978), 179-85.

⁹⁹ Heyde, *Das Ende*, 408-55; Clavin, *Failure*, 30-59.

Америка оказалась не в состоянии быть арбитром в европейских конфликтах. И это имело самые серьезные последствия для немецкой стратегии.

В январе 1933 г. Германия все еще была должна зарубежным кредиторам 19 млрд рейхсмарок, из которых 10,3 млрд приходилось на долгосрочные обязательства, а 4,1 млрд – на краткосрочные займы, покрывавшиеся «соглашением о моратории»¹⁰⁰. По крайней мере 8,3 млрд рейхсмарок из этой суммы составлял долг перед крупнейшим кредитором – Соединенными Штатами. Это долговое бремя, сократившееся с 1924 г., представляло собой не менее серьезную угрозу для уровня жизни немецкого народа, чем репарации, к тому моменту уже снятые с повестки дня. В процессе обслуживания долга Германия ежегодно должна была переводить за границу проценты и часть основного долга на общую сумму, приближавшуюся к 1 млрд рейхсмарок, а с учетом недоступности новых кредитов в 1930-х гг., в отличие от 1920-х, перед Германией вставала перспектива производить «реальные платежи». Она не могла расплачиваться с кредиторами, просто делая новые займы. Чтобы Германия имела возможность обслуживать свой долг, ее экспорт должен был превышать импорт по крайней мере на 1 млрд рейхсмарок. Это означало существенное снижение уровня жизни. Кроме того, после прекращения репараций почти половина обременительных выплат Германии в счет обслуживания долга доставалась одной-единственной стране – Соединенным Штатам. Поскольку Германия все еще нуждалась в поддержке Америки для того, чтобы заставить Великобританию и Францию отменить репарации, Берлин был заинтересован в сотрудничестве с Вашингтоном, несмотря на тяжелое бремя американских долгов и на ничтожные шансы получения новых кредитов. После заключения Лозаннского соглашения о репарациях, когда Франция и Великобритания вступили в ожесточенный конфликт с США из-за своих военных долгов, необходимость в этом сотрудничестве отпала. Да и в случае дефолта Германии не приходилось слишком опасаться американских торговых санкций. Баланс трансатлантической торговли был крайне невыгоден для Германии. В этом отношении усилия США по достижению европейской стабилизации заключали в себе фундаментальное противоречие¹⁰¹. Американские таможенные тарифы, превышавшие 44 %, усиливали американские конкурентные преимущества почти во всех отраслях промышленности. Одновременно они фактически лишали американских должников возможности расплатиться по долгам, даже если те этого хотели. После отмены репараций это противоречие, скрывавшееся в американской внешнеэкономической политике, дало германским националистам готовый предлог для объявления дефолта. Разумеется, это был не единственный исход, к которому могла привести ситуация в Германии. Агрессивные односторонние шаги и дефолт не были предопределены. В 1920-х гг. Штресман стремился превратить Германию в ведущего защитника многосторонней свободной торговли, и эту линию с энтузиазмом поддерживали по крайней мере экспортоориентированные отрасли¹⁰². В конце концов, во времена процветания Германия была одной из ведущих торговых наций мира, отправляя свои товары буквально во все уголки земного шара. В 1932 и 1933 г. уже шли предварительные переговоры о проведении в Лондоне Всемирной экономической конференции, на которой ключевым вопросом должны были стать тарифы¹⁰³. У Германии еще оставалась возможность сыграть позитивную роль проводника либерализации, а не националистического распада мира на отдельные экономики. Однако к 1932 г. либеральные голоса утонули в шуме и гаме экономического нацио-

¹⁰⁰ C. R. S. Harris, *Germany's Foreign Indebtedness* (Oxford, 1935).

¹⁰¹ Это четко прочитывалось и в докладе Лейтона о ситуации в Германии в августе 1931 г.; см.: Winkler, *Weimar*, 420.

¹⁰² Итогом, вместо принципиального решения в пользу низких тарифов, стало болезненное противостояние между сельским хозяйством и работающей на экспорт промышленностью, которое удалось преодолеть лишь посредством ряда неловких временных мер, хотя благодаря им низкие тарифы сохранялись по крайней мере до 1929 г.; см.: R. M. Spaulding, *Osthandel und Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer* (Providence, RI, 1997), 123-37; D. Stegmann, «Deutsche Zoll- und Handelspolitik 1924/5-1929», in H. Mommsen, D. Petzina and D. Weisbrod (eds.), *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik* (Dusseldorf, 1977), II, 499-513.

¹⁰³ Clavin, *Failure*, 61-80.

нализма. Более того, в условиях краха золотого стандарта даже ассоциация промышленников страны с большим трудом поддерживала консенсус в отношении многосторонней свободной торговли. И атаку националистов на этом фронте снова возглавил бывший президент Рейхсбанка Ялмар Шахт. В конце 1931 г. он выложил перед несколькими ведущими промышленниками Германии новый торговый план¹⁰⁴. В соответствии с ним в стране предполагалось создать организацию наподобие той, что существовала во время Первой мировой войны, и с ее помощью осуществлять централизованный контроль над всем германским импортом. В дальнейшем эти меры можно было использовать для того, чтобы принудить страны, поставлявшие в Германию свои товары, к принятию германского экспорта по крайней мере в равных количествах. С учетом того ущерба, который план Шахта нанес бы сложным многосторонним отношениям Германии, он получил поддержку лишь у немногих немецких промышленников. Однако среди аграриев враги либерализма нашли больше активных сторонников.

В той степени, в которой экономические интересы отвечали за крах Веймарской республики и создание гитлеровского правительства, пришедшего к власти 30 января 1933 г., основная вина лежала не на крупном бизнесе и даже не на тяжелой промышленности, а на ожесточившихся немецких фермерах¹⁰⁵. Либерализм еще с 1870-х гг. лишился поддержки в деревне¹⁰⁶. Бисмарк в 1879 г. заручился расположением аграриев, установив первую серьезную пошлину на зерно. Это не привело к упадку сельского хозяйства, но существенно замедлило перестройку общества и внутренние миграции – при бездействии государства эти процессы протекали куда более болезненно. В середине XIX в. половина немецких трудящихся была занята в сельском хозяйстве. К 1925 г. эта доля сократилась до 25 %, но это все равно означало, что сельское хозяйство служило непосредственным источником средств к существованию для 13 млн человек. Поэтому голоса аграрного лобби были очень важны для всех политических партий, кроме социал-демократов и коммунистов, не имевших привлекательной аграрной программы. Однако к концу 1920-х гг. респектабельные правоцентристские партии теряли поддержку в аграрных кругах по мере того, как немецкое сельскохозяйственное сообщество проникалось все более радикальными настроениями, вызванными общемировым обрушением товарных цен¹⁰⁷. В результате аграрное лобби стало требовать не только все более серьезной протекции и списания долгов, но и принципиального поворота в германской торговой политике. Поскольку пошлины оказались неэффективной мерой защиты от конкуренции со стороны дешевых товаров, аграрии требовали уже введения специальных квот, призванных ограничить импорт важнейших сельскохозяйственных товаров в Германию из конкретных стран¹⁰⁸. Либерально мыслящие немцы всегда возражали против сельскохозяйственных тарифов. Более того, новые предложения, предусматривавшие дискриминацию отдельных торговых партнеров, угрожали полностью разрушить систему многосторонней торговли. Тем не менее нельзя отрицать того, что чрезвычайные меры, принятые в июле 1931 г., указывали именно на это. В конце концов введенная Рейхсбанком новая система ограниченной выдачи зарубежной валюты являлась именно тем механизмом, который требовался для контроля за структурой германского импорта¹⁰⁹. Однако в том, что касалось квот, Брюнинг оставался непреклонен. Его пра-

¹⁰⁴ S.Dengg, Deutschlands Austritt aus dem Völkerbund und Schachts Neuer Plan (Frankfurt, 1986), 386-7; R. Neebe, Grossindustrie, Staat und NSDAP 1900-1933 (Göttingen, 1981), 122-6.

¹⁰⁵ Kershaw, Hitler: Hubris, 414.

¹⁰⁶ О развитии немецкого протекционизма в европейском контексте см.: M. Tracy, *Government and Agriculture in Western Europe 1880-1988* (Hemel Hempstead, 1989).

¹⁰⁷ W. Pyta, *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918-1933* (Düsseldorf, 1996), 203-33.

¹⁰⁸ См.: W. A. Bölske, *Deutschland als Welthandelsmacht 1930-1945* (Stuttgart, 1994), 17-20.

¹⁰⁹ Этот момент не укрылся от внимания сторонников протекционистских мер в таких секторах промышленности, как текстильный, но встретил противодействие со стороны министра экономики; см.: K. Wiegmann, *Textilindustrie und Staat in Westfalen 1914-1933* (Stuttgart, 1993), 220-22.

вительство щедро оказывало поддержку сельскому хозяйству во всех других отношениях, но по вопросу о квотах не желало идти на компромиссы¹¹⁰. В этом отношении и Папен, и Шлейхер следовали примеру Брюнинга. Папен, в принципе одобряя квоты, был согласен на них лишь в пределах, «не нарушающих действующих торговых соглашений», а после того, как правительство Папена пало, со стороны Шлейхера не последовало никаких решительных действий¹¹¹. Однако из-за этого аграрное лобби встало в открытую оппозицию к республике¹¹². В начале 1933 г. ключевые вожди аграрного лобби решительно подступились к президенту Паулю фон Гинденбургу, который сам был крупным землевладельцем, с целью заставить его признать коалицию между НННП Гугенберга и НСДАП Гитлера. Аграрии, подобно сторонникам дефолта по долгам и перевооружения, хотели видеть во главе страны такое правительство, которое бы в одностороннем порядке претворяло в жизнь их концепцию немецких национальных интересов и заставило соседей и торговых партнеров Германии согласиться на его условия.

V

Враги либерализма в Германии явно поднимали голову. К 1932 г. ущерб, нанесенный парламентской системе, вполне мог оказаться непоправимым, вследствие чего Веймарскую республику почти наверняка сменил бы какой-нибудь авторитарный националистический режим. В конце концов, в 1932 г. и канцлером, и президентом республики в Германии были генералы. Но чем больше мы знаем о закулисных маневрах, окончившихся тем, что 30 января 1933 г. канцлером стал Гитлер, тем менее вероятным представляется, что этот исход был в каком-либо смысле предопределен. У нас как будто бы имеются все основания полагать, что мир мог бы избежать кошмара национал-социалистической диктатуры, если бы Гитлера еще несколько месяцев не подпускали к власти. Нацисты добились своего самого яркого электорального триумфа в июле 1932 г., получив на всеобщих выборах, последовавших за изгнанием канцлера Брюнинга, 37,2 % голосов. Однако из-за сопротивления со стороны президента Гинденбурга и ключевых членов кабинета Папена Гитлеру не был предложен пост рейхсканцлера, а на менее значительные должности он не соглашался¹¹³. Несмотря на свой электоральный триумф, НСДАП осталась в оппозиции и в ноябре, на вторых всеобщих выборах 1932 г., поплатилась за это. Хотя по итогам выборов не удалось создать работоспособное парламентское большинство, следствием чего стало падение канцлера Папена, серьезный ущерб понесла и партия Гитлера – доля поданных за нее голосов составила менее 33 %. Избиратели Гитлера явно были разочарованы его нежеланием входить в состав правительства. Партийные активисты начали колебаться. Импульс, который с 1929 г. вел НСДАП от победы к победе, иссяк. После ноябрьской неудачи неожиданно вновь дали о себе знать трения между левым и правым крыльями, преследовавшие национал-социализм в 1920-х гг. В декабре 1932 г. генерал Шлейхер, реальный «делатель королей» в германской политике, наконец взял власть в свои руки и сразу же завоевал популярность, дав старт первой общенациональной инициативе по созданию рабочих мест. Густав Штольпер впоследствии вспоминал веселый деловой завтрак, состоявшийся в январе 1933 г. в рейхсканцелярии, на котором Шлейхер и его помощники по очереди предсказывали, сколько еще голосов нацисты потеряют на выборах, которые Шлейхер надеялся провести весной¹¹⁴.

¹¹⁰ D. Petzina, *Die Verantwortung des Staates für die Wirtschaft* (Essen, 2000), 10–45.

¹¹¹ Эта пауза подробно разбирается в: Spaulding, *Osthandel*, 222–33.

¹¹² Помимо торговых вопросов, Союз сельских хозяев (*Reichslandbund*) прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать любым попыткам ликвидации крупных поместий на востоке страны и раздачи этих земель крестьянам. См.: S. Merkenich, *Grüne Front gegen Weimar: Reichs-Landbund und agrarischer Lobbyismus 1918–1933* (Düsseldorf, 1998), 300–19.

¹¹³ Winkler, *Weimar*, 509–12.

¹¹⁴ T. Stolper, *Ein Leben in Brennpunkten unserer Zeit* (Vienna, 1967), 309–10.

Между тем в Америке в июне 1932 г. впервые замаячил призрак выздоровления экономики¹¹⁵. После того как в Лозанне были отменены репарации, спрос на германские облигации начал расти¹¹⁶. Это было очень важно, поскольку давало банкам, находившимся в сложной ситуации, возможность избавиться от неликвидных активов и восстановить запасы наличных денег. В конце лета наметились признаки оживления в строительстве. После того как был собран урожай, а стройки были законсервированы из-за зимы, опять начался неизбежный рост безработицы, вновь приблизившейся к ужасающему уровню в 6 млн человек. Но специалистов радовал уже тот факт, что она не превысила уровня, достигнутого в предыдущем году. «Уровень безработицы, претерпевающий сезонные колебания» – новое понятие, набравшее популярность благодаря такой новомодной науке, как анализ деловых циклов, – стабилизировался. К концу 1932 г. экономическая ситуация в Германии оптимистично оценивалась уже не только в журнале Штольпера *Der Deutsche Volkswirt*, но и в авторитетном полугодовом отчете банка *Reichskreditgesellschaft*¹¹⁷. В декабре 1932 г. даже Берлинский институт изучения деловых циклов – самая влиятельная и одна из самых пессимистичных структур, занимавшихся оценкой состояния экономики в межвоенной Германии – объявил, что по крайней мере процесс «сжатия» завершился¹¹⁸. Берлинский корреспондент журнала *The Economist* сообщал, что «впервые за три или четыре года» германская буржуазия увидела «проблески света в экономике»¹¹⁹. Это заявление очень важно, поскольку оно противоречит всем последующим описаниям немецкой экономики при национал-социализме¹²⁰. Немецкая экономика в 1933 г. вовсе не была кучей обломков. В ней начиналось то, что вполне могло оказаться энергичным циклическим восстановлением. 1 января 1933 г. новогодние передовицы в берлинской печати были проникнуты оптимизмом. Социал-демократическая ежедневная газета *Vorwaerts* приветствовала новый год заголовком «Взлет и падение Гитлера»¹²¹.

В данном случае судьбу Германии, а вместе с ней и всего мира решил трагический просчет небольшого кружка консервативных ультранационалистов. Бывший канцлер Папен, раздосадованный своим изгнанием в декабре 1932 г., вступил в сговор с аграрным лобби и некоторыми наиболее агрессивными элементами в военных кругах, имевший своей целью заставить престарелого Гинденбурга дать отставку Шлейхеру и сформировать новое правительство на основе популярной национал-социалистической платформы. Для этого требовалось назначить Гитлера канцлером. Но ответственность и за сельское хозяйство, и за экономику брал на себя ультранационалист Гутенберг. Генерала Бломберга предполагалось сделать министром обороны, а Папена – вице-канцлером. Не следует предполагать и того, что баланс сил в правительстве Гитлера – Гутенберга – Папена – Бломберга был предопределен. В германском обществе имелись влиятельные силы – в первую очередь в военных и в церковных кругах, но также и в верхушке германского бизнеса, – которые были способны на многое для того, чтобы сбить Гитлера и его сторонников с их пути к власти¹²². Очевидно, что политика антисемитизма, агрессивного перевооружения и односторонней дипломатии ни в коем случае не была навязана Германии. Более того, необходимость подчеркивать это может показаться некоторым читате-

¹¹⁵ Зарубежную точку зрения см. в: *The Economist*, 17 September 1932, 493. Обзор литературы того времени см. в: С. Buchheim, «Die Erholung von der Weltwirtschafts-krise 1932/33 in Deutschland», *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1 (2003), 13–26.

¹¹⁶ *Der Deutsche Volkswirt*, 8.07.1932, 1340.

¹¹⁷ Reichskreditgesellschaft, *Germany's Economic Situation at the Turn of 1932/1933* (Berlin, 433)

¹¹⁸ Критику хронически пессимистической позиции этого института см. в: *Der Deutsche Volkswirt*, 9.12.1932, 291.

¹¹⁹ *The Economist*, 24 December 1932, 1185–6.

¹²⁰ Увековеченным, несмотря на все имеющиеся факты, в: W. Abelshauser, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder: Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung für den Zweiten Weltkrieg und die Folgen für die Nachkriegszeit», *Vfz* 47 (1999), 505–6.

¹²¹ H. A. Turner, *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933* (New York, 1996), 1–2.

¹²² G. Jasper, *Die Gescheiterte Zähmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers, 1930–1934* (Frankfurt, 1986).

лям абсурдной. Но такой подход позволяет четко дать понять, что подобные стандарты критики, основанной на альтернативных допущениях, не всегда беспристрастно применяются ко всем аспектам гитлеровского режима. По сути, от такой критической проверки зачастую полностью освобождается экономическая сфера. Слишком часто допускается, что реальный стратегический выбор в экономической политике – выбор, реально зависевший от национал-социалистической идеологии, – встал перед режимом Гитлера лишь в 1936 г., через четыре года после захвата им власти. Слишком часто допускается, что наиболее приоритетным для режима направлением не могла не быть борьба с безработицей. Но из избыточного внимания к вопросу создания рабочих мест вытекает еще одно следствие. В связи с проблемой безработицы мы можем изложить события так, как будто бы гитлеровский режим просто давал сильно запоздавший функциональный ответ на глубокий экономический кризис, в котором оказалась Германия. Более того, во многих работах, включая самые недавние, можно уловить намек на восхищение способностью гитлеровского режима порвать с косным консерватизмом, якобы сковывавшим предыдущие правительства в их действиях¹²³. Но как уже предполагалось и как будет подробно раскрыто в следующей главе, «кейнсианские» вопросы создания рабочих мест и безработицы никогда не занимали такого важного места в повестке дня гитлеровского правительства, как обычно считается. Важнейшие решения в области экономической политики, принятые в 1933–1934 гг. касались не безработицы, а внешнего долга Германии, ее валюты и перевооружения, а в отношении этих вопросов режим никогда не мог бы претендовать на политическую невинность. Они составляли самое ядро националистической программы самутверждения, которая и являлась истинной повесткой дня для гитлеровского правительства. Более того, если мы поставим на должное место вопросы внешнего долга и внешней торговли, нам станет ясно, что для многих миллионов немцев гитлеровское экономическое чудо на самом деле стало весьма неоднозначным испытанием.

Если мы стремимся избежать деполитизированной экономической истории нацистского режима, противоречащей нашим представлениям о всех остальных аспектах его истории, то следует всегда иметь в виду, что даже в 1933 г. существовали альтернативы той экономической стратегии, которую осуществляло правительство Гитлера. Более того, эти альтернативы вполне могли принести более значительные материальные блага большинству германского населения. Однако, не упуская из виду представление об альтернативах и создаваемую ими возможность критики, не следует недооценивать и ущерб, причиненный внутри и вне Германии Великой депрессией. Даже если бы Гитлер не был назначен канцлером и Шлейхер остался бы у власти, трудно себе представить, чтобы Германия избрала бы курс, который бы не был пагубным для последних отчаянных попыток восстановить на Земле мир и стабильность, предпринятых на переговорах о разоружении в Женеве и на Всемирной экономической конференции в Лондоне. Кроме того, мы бы попали в солипсистскую ловушку националистической стратегии, если бы заявили, что решение этой проблемы в конечном счете зависело от Германии. Она могла осуществлять политику, более или менее способствовавшую глобальной стабилизации, но шанс на достижение этой ускользающей цели в первую очередь определялся другими крупными державами. А в 1933 г. условия намного меньше способствовали многосторонней стратегии, чем десятью годами ранее. Прежде всего, резко изменилась позиция США. В 1923 г. Штресман, очевидно, был прав, поставив на Америку как на доминирующую силу в мировых делах – как в экономическом плане, так и в качестве будущей военной сверхдержавы. Десятью годами спустя позиция Америки была фатально ослаблена самым суровым кризисом, известным в экономической истории. Когда Гитлер взял власть, Гувера сменил Рузвельт, который в течение первых пяти месяцев пребывания в должности занимался исключительно спасением Америки от последнего катастрофического приступа депрессии. Прошли годы, прежде чем США вновь

¹²³ См., например: Abelshauser, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder».

стали играть ключевую роль в вопросах мировой политики – но к тому времени жуткий режим Гитлера набрал слишком большой импульс, чтобы его можно было остановить как-либо иначе, помимо грубой силы.

Часть I Восстановление

2. «Каждому трудящемуся — по рабочему месту»

Первого февраля 1933 г., через два дня после назначения на пост канцлера, Гитлер, вспевший от волнения, записал первое общенациональное радиообращение в своей жизни¹²⁴. Через его выступление красной нитью проходила решимость преодолеть распад нации, ставший итогом капитуляции Германии в ноябре 1918 г. и последовавшей «коммунистической» революции¹²⁵. Тот факт, что даже в минуты торжества Гитлер решил вернуться к тем событиям 14-летней давности, недвусмысленно свидетельствует о ключевом месте, которое эти травматические переживания занимали в его политике. В том, что касалось конкретных политических мер, Гитлер пообещал стране четырехлетнюю программу спасения германского крестьянства от обнищания и борьбу с безработицей среди трудящихся. Он высказал намерение реформировать германский государственный аппарат и привести порядок в устаревшее разделение труда между центральным правительством, землями, на которые делилась Германия, и местными властями. В сфере социальной политики Гитлер обещал принять программу решения земельного вопроса, ввести трудовую повинность и обеспечить населению гарантированные здравоохранение и пенсии. Развитие госсектора и создание в нем рабочих мест, в свою очередь, давало гарантии против каких-либо «угроз нашей валюте». Очевидно, что все это более-менее совпадало с реальными намерениями Гитлера. Напротив, в том, что касалось внешней политики, приходилось читать между строк. Гитлер воздал ритуальное должное женевским договорам о разоружении, подчеркивая свою готовность вообще отменить в Германии армию при условии всеобщего разоружения. Однако в то же время он объявил, что наивысшей целью национального правительства является «защита права [нации] на жизнь, а следовательно, возвращение нашему народу свободы»¹²⁶. Это был националистический эвфемизм для прямо противоположных намерений. Говоря про свободу, Гитлер имел в виду свободу Германии преследовать свои национальные интересы посредством односторонних действий, в случае необходимости — военными средствами, — не обращая внимания на какие-либо международные ограничения и договоры.

Два дня спустя по приглашению генерала Бломберга, назначенного министром обороны, Гитлер более откровенно рассказал германскому военному руководству о своих целях. На этой встрече он повторил свои взгляды, изложенные им в *Mein Kampf* и в его «Второй книге». Существенным в данном случае было лишь то, что он сделал это в качестве только что назначенного канцлера Германии. Ничто не изменило его принципиальной веры в то, что единственное спасение Германии заключается в борьбе за жизненное пространство¹²⁷. Задача внутренней политики состояла в консолидации основ для перевооружения. Средствами для ее решения служили уничтожение марксизма, восстановление экономики и спасение крестьянства. Кроме того, как и в 1928 г., Гитлер не делал секрета из своих долгосрочных намерений. В первую очередь целью перевооружения Германии служило избавление от нависавшей над ней угрозы со стороны Франции и ее союзников, которые могли в любой момент совершить интервенцию.

¹²⁴ H. Höhne, *Zeit der Illusionen* (Düsseldorf, 1991), 51.

¹²⁵ Domarus, I. 191-4.

¹²⁶ Domarus, I. 193.

¹²⁷ Domarus, I. 198.

Более долгосрочная цель заключалась в «возможной борьбе за новые экспортные возможности [т. е. колонии] и в возможном – что, вероятно, было бы лучше – завоевании нового жизненного пространства на востоке и его безжалостной германизации. Уверен, что текущая экономическая ситуация может быть изменена с помощью политической власти и борьбы. Все, что может случиться сейчас... [представляет собой] просто импровизации»¹²⁸. Меньше чем через неделю, 9 февраля, председательствуя в правительственном комитете по созданию рабочих мест, Гитлер повторил те же ключевые моменты. Гитлера волновало только одно – перевооружение. «Будущее Германии зависит исключительно от восстановления вермахта. Все прочие задачи должны отступить перед задачей перевооружения... Так или иначе, я, – заявил Гитлер, – полагаю, что в будущем в случае конфликта между требованиями вермахта и другими целями интересы вермахта должны иметь приоритет»¹²⁹.

Через несколько дней после захвата Гитлером власти направление было задано. Но сроки последующих шагов зависели от запутанного сочетания внутренних и международных факторов.

I

Решающей проверкой популярности Гитлера являлись всеобщие выборы, назначенные на 5 марта. Партия, находившаяся у власти, было важно получить подавляющее большинство голосов, если они собирались выполнять свою диктаторскую программу под покровом законности. На трех предыдущих всеобщих выборах, в 1930 и 1932 г., 18 млн германских избирателей не сумели отдать предпочтение какой-либо одной программе национального экономического возрождения. Даже в 1932 г., находясь в зените популярности и неся на своих знаменах клятвы Штрассера о создании рабочих мест, нацисты сумели заручиться поддержкой не многим более трети электората. Если правительство Гитлера желало получить безусловное большинство голосов, оно явно должно было не пугать общественность опасными внешнеполитическими авантюрами. Кроме того, требовалось сохранить видимость националистического единства, на которое опиралось правительство нового канцлера. В кабинете Гитлера портфель министра финансов сохранял за собой Шверин фон Крозиг, консерватор и бывший госслужащий, известный как противник создания рабочих мест за счет кредитов. Президентом Рейхсбанка оставался Ганс Лютер, первосвященник ортодоксального монетаризма. Альфред Гугенберг – вождь НННП, на котором держалась гитлеровская коалиция, – получил портфели министров экономики и сельского хозяйства. Будучи экономическим националистом во всех смыслах слова, Гугенберг тем не менее тоже выступал против создания рабочих мест сверх программы, уже одобренной канцлером Шлейхером. Немедленное увеличение государственных расходов вопреки этому противодействию отвлекло бы Гитлера от его главного приоритета в феврале 1933 г. – мобилизации выдохшейся Нацистской партии на последний электоральный бой¹³⁰.

И «гигантскому и всеобъемлющему» пакету мер по созданию рабочих мест, обещанному Гитлером в первый вечер его пребывания в должности, и щедрым авансам, полученным от него военными, пришлось ждать до тех пор, пока будут подсчитаны голоса. В любом случае особой нужды в немедленных действиях не имелось¹³¹. От своего предшественника генерала Шлей-

¹²⁸ K.J. Müller, *Armee und Drittes Reich 1933–1939* (Paderborn, 1989), 263.

¹²⁹ BAL R43II 536, 20, стенограмма заседания комитета по созданию рабочих мест, 9.02.1933.

¹³⁰ D. Petzina, «Hauptprobleme der deutschen Wirtschaftspolitik 1932/33», in Petzina, *Die Verantwortung des Staates für die Wirtschaft* (Essen, 2000), 90–124.

¹³¹ B. Wulff, *Arbeitslosigkeit und Arbeitsbeschaffungsmassnahmen in Hamburg 1933–1939: Eine Untersuchung zur Nationalsozialistischen Wirtschafts- und Sozialpolitik* (Frankfurt, 1987), 36–48.

хера Гитлер унаследовал полноценную программу по созданию рабочих мест за счет кредитов, бюджет которой оценивался в 600 млн рейхсмарок. К моменту прихода Гитлера к власти из этой суммы еще не было потрачено ни одной марки. Поэтому первоначально предпринятые гитлеровским правительством меры по перевооружению и по созданию рабочих мест осуществлялись за счет денег Шлейхера. 200 млн из суммы в 600 млн были выделены на нужды государства, в том числе 100 млн – на военные расходы, и еще 200 млн было потрачено местными властями. Остальное пошло на мелиорацию сельскохозяйственных земель.

Итоги мартовских выборов стали разочарованием для Гитлера и Геббельса. То, что нацистам не удалось получить ничего хотя бы отдаленно похожего на абсолютное большинство голосов, несмотря на активное запугивание избирателей, подтверждает вывод, к которому пришло большинство наблюдателей осенью 1932 г. В качестве политического движения Нацистская партия достигла своего потолка, так и не сумев привлечь на свою сторону большинство германских избирателей. Однако теперь Гитлеру и его партии уже не приходилось полагаться исключительно на электоральный процесс¹³². После сильнейшего нажима на Партию католического Центра Гитлер получил большинство в две трети, необходимое для принятия (23 марта 1933 г.) Закона о чрезвычайных полномочиях. Он давал правительству возможность править страной, издавая свои указы, не требующие одобрения рейхстага. Тем самым был расчищен путь для решительного применения физической силы. В противоположность осторожным революционерам, в ноябре 1918 г. сделавшим все возможное для подавления народного восстания против Первой мировой войны и вильгельмовской монархии, нацисты без колебаний сочетали избирательную агитацию с насилием на улицах. Весной 1933 г. по всей Германии прокатилась организованная Нацистской партией и их союзниками-националистами волна стычек и погромов, направленная прежде всего на коммунистов, социал-демократов и малочисленное еврейское меньшинство. Социалистические профсоюзы по неизвестной причине сумели поверить в то, что им удастся сотрудничать с правительством Гитлера. Они даже совместно с Гитлером и Геббельсом организовали в 1933 г. празднование 1 мая, впервые объявленного официальным нерабочим днем в качестве национального дня труда. На следующий день отряды штурмовиков ворвались в штаб-квартиры профсоюзов и закрыли их. Были арестованы сотни миллионов рейхсмарок в виде собственности и счетов благотворительных фондов. Роберт Лей, верный союзник Гитлера (злоупотребляющий алкоголем), получил под свое командование только что созданный Германский трудовой фронт (*Deutsche Arbeitsfront*, DAF). Активность нацистской организации производственных ячеек (NSBO) к тому времени достигла масштабов, тревоживших даже Лея. Поэтому с целью восстановить порядок правительство назначило региональных доверенных лиц на предприятиях (*Treuhänder der Arbeit*), поручив им устанавливать ставки зарплаты и улаживать конфликты между нанимателями и воинствующими нацистскими цеховыми старостами.

Между тем постепенно устранялись внутренние препятствия к более смелой политике государственных расходов. В апреле 1933 г. рейхсминистр труда националист Франц Зельдте взял в свои руки дело создания рабочих мест, призывая Гитлера использовать первомайские шествия как стартовую площадку для давно обещанной программы по созданию рабочих мест. Цель пакета мер по созданию рабочих мест за счет кредитов с бюджетом, составлявшим от 1 млрд до 1,6 млрд рейхсмарок, заключалась в оживлении рынков труда¹³³. В разгар насилия, сопровождавшего *Machtergreifung* (захват власти), Ганс Лютер был направлен в качестве нового германского посла в Вашингтон. На посту президента Рейхсбанка его сменил Ялмар Шахт, во второй раз встав у руля германской монетарной политики. С учетом того, что Шахт осенью 1931 г. вступил в открытый союз с нацистами, это не могло никого удивить. Но в то же время

¹³² R. J. Evans, *The Coming of the Third Reich* (London, 2003), 309-90.

¹³³ D. P. Silverman, *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933-1936* (Cambridge, 1998), 63-4.

это четко свидетельствовало об агрессивных намерениях Гитлера. В апреле за переменами в Рейхсбанке последовало назначение Фрица Рейнхардта (р. 1895) статс-секретарем в Рейхсминистерстве финансов. Рейнхардт с 1932 г. наряду со злосчастным Грегором Штрассером сделал себе имя в качестве главного пропагандиста программы по созданию рабочих мест¹³⁴. То, что он получил должность наряду с консервативным Крозигом, свидетельствовало о решительном изменении баланса сил.

Отношение Шахта к созданию рабочих мест и кредитной инфляции было сложным. Он не одобрял таких механизмов, как общественные работы¹³⁵. С другой стороны, он явно верил в творческую роль монетарной политики. Более того, его назначение в марте 1933 г. вполне могло быть обусловлено заранее полученным от него согласием тратить значительные суммы на создание рабочих мест. Так или иначе, реально Шахт был на стороне правых националистов в том, что касалось международной повестки дня, но не внутренней политики. Участники дискуссий о захвате власти нацистами часто упускают из виду его бурный международный контекст. Гитлеровский *Machtergreifung* совпал как с инаугурацией нового американского президента, так и с последними сильными афтершоками Великой депрессии¹³⁶. В тот момент, когда Рузвельт вступил в должность, Америку охватила финансовая паника, вынудившая его объявить общенациональные банковские каникулы и ввести ограничения на вывоз капитала. 19 апреля 1933 г. США в одностороннем порядке приостановили действие золотого стандарта и позволили доллару обесцениться. В течение следующих четырех месяцев доллар просел на 30 % по сравнению с рейхсмаркой. Эти события, повторившиеся по всему миру, нанесли сокрушительный удар по последним остаткам международной системы фиксированных обменных курсов¹³⁷. Девальвация доллара снова поставила Германию перед выбором – следует ли девальвировать марку или нет. Если бы Германия не отказалась вслед за Америкой от золотого стандарта, то это полностью лишило бы ее конкурентоспособности на всех мировых экспортных рынках. С другой стороны, девальвация доллара обернулась для Германии огромным плюсом, сократив ее долг перед США, выраженный в рейхсмарках. О вопросах девальвации мы еще поговорим в следующей главе. Однако весной 1933 г. Шахт вслед за Гитлером осудил какие-либо эксперименты с валютой¹³⁸. Откликаясь на настроения общественности, Гитлер и Шахт превратили защиту официального золотого содержания рейхсмарки в символ надежности и прочности нового режима. В отличие от 1923 г., теперь уже по сравнению с другими валютами обесценивался доллар, а не рейхсмарка.

В то же время Шахт явно чувствовал возможности, открывавшиеся в хаотической международной ситуации, и отправился в США, надеясь воспользоваться временным ослаблением главного кредитора Германии¹³⁹. Отлучка Шахта служила главной причиной, по которой окончательное принятие плана по борьбе с безработицей было отложено до конца мая. Вернувшись, Шахт немедленно согласовал с Рейхсминистерством финансов (рмф) пакет мер по созданию рабочих мест стоимостью в 1 млрд рейхсмарок¹⁴⁰. Эта так называемая программа Рейнхардта

¹³⁴ На проходивших 9–10 мая 1932 г. дискуссиях в рейхстаге, на которых Грегор Штрассер впервые представил нацистский план по созданию рабочих мест, первым выступал Рейнхардт, подготовив сцену для драматического заявления Штрассера. См.: *Verhandlungen des Reichstages, Stenographische Berichte* (1932), 61st Sitzung, 9.05.1932, 2491–4. Даже после своего выхода из партии Рейнхардт продолжал выступать в защиту штрассеровской линии; см.: *Der Deutsche Volkswirt*, 23.12.1932, 356.

¹³⁵ K. Gossweiler, *Die Rohm, Affäre: Hintergründe – Zusammenhänge – Auswirkungen* (Cologne, 1983), 342/

¹³⁶ C. P. Kindleberger, *The World in Depression, 1929–1939* (Berkeley, 1986), 195–201; B. Eichengreen, *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939* (Oxford, 1992), 317–47.

¹³⁷ P. Clavin, *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–36* (New York, 1996), 83–8.

¹³⁸ См. его выступление 7 апреля 1933 г. перед служащими Рейхсбанка. Гитлер не раз повторял о своем желании избегать экспериментов с валютой; см.: Domarus, I. 233.

¹³⁹ H. James, *The German Slump* (Oxford, 1986), 403.

¹⁴⁰ Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 41, 49–62.

была окончательно одобрена кабинетом 28 мая и предъявлена немецкой общественности 1 июня. Чуть больше чем через год после знаменитого выступления Грегора Штрассера в рейхстаге с требованием принять меры по борьбе с кризисом незанятости Нацистская партия наконец выполнила свои обещания. Пакет был обширным. Миллиард рейхсмарок представлял собой очень серьезную сумму в сравнении с регулярными расходами на товары и услуги – в 1932–1933 гг., в худшие годы кризиса, они составляли всего 1,95 млрд рейхсмарок. Фонды Рейнхардта предназначались для решения именно тех приоритетных задач, которые до 1932 г. были обозначены Штрассером и другими сторонниками создания рабочих мест. Предусматривалось выделение денег на пригородные поселки, а также на дорожное и жилищное строительство, что отвечало чаяниям широких слоев общества и национальным интересам. Но – что самое главное – пакет финансировался за счет кредитов.

«Продуктивное создание кредитов» служило темой дискуссий, вызывавших острейшие разногласия среди экономистов всего мира в межвоенный период¹⁴¹. Принципиальный вопрос заключался в том, могут ли государственные расходы, в краткосрочном плане финансируемые за счет свеженапечатанных денег, оказать какое-либо реальное влияние на производство и занятость. Все участники дискуссий сходились на том, что расходы на создание рабочих мест, финансируемые за счет повышения налогов, не в состоянии увеличить общие объемы спроса. Налоги просто вызывают перемещение покупательной способности от частных лиц к государству. Если же, с другой стороны, государство изыскивает средства за счет обычных займов на рынке капитала, то это не приводит к немедленному сокращению частных расходов, поскольку фонды, за счет которых производятся долгосрочные займы, в конечном счете представляют собой сбережения домохозяйств, то есть неистраченный доход последних. Однако в случае «тесного» рынка рейхсмарки, позаимствованные государством, не могли достаться частным заемщикам. В этом случае государственные займы «вытесняли бы» частные инвестиции. Единственный способ финансировать создание рабочих мест таким образом, чтобы не допустить сокращения частной экономической активности, заключался в создании «новых кредитов». С точки зрения ортодоксальных экономистов в этом не содержалось никакой логики. Выписывая чеки, нельзя создать новых реальных благ, нового оборудования и новых заводов. Деньги – это просто символ, средство обмена. Печатавая больше денег, мы не создаем «реальных» рабочих мест, так же как разговоры о создании рабочих мест сами по себе не приводят к возникновению новых возможностей для трудоустройства. Создание рабочих мест за счет кредитов вызовет только инфляцию. Поначалу у людей может возникнуть иллюзия «реального» эффекта. Люди получают работу на государственных стройках. Но рост цен съест покупательную способность зарплаток и прибыли. Частные расходы сократятся. Инфляция, вызванная тем, что государство создает кредиты, будет играть роль скрытого налога. С помощью таких мер невозможно создать больше рабочих мест, чем в случае финансирования государственных расходов за счет обычных налогов. С точки зрения сторонников создания рабочих мест в основе этой ортодоксальной аргументации лежала ошибка. При наличии полной занятости в экономике – когда каждый трудящийся имеет работу и каждый завод работает на полную мощность – создание новых кредитов в самом деле может повлечь за собой инфляцию. В этом случае дополнительные государственные расходы действительно будут финансироваться за счет «принудительных сбережений». Но если рабочая сила и станки простаивают, то речь уже не идет об игре с нулевой суммой. В конце концов, в условиях когда миллионы трудящихся отчаянно ищут работу, а заводы стоят без заказов, нет особых причин ожидать роста цен. В условиях массовой безработицы государственные расходы, финансируемые за счет новых кредитов, приведут не к инфля-

¹⁴¹ Резюме дискуссий в Германии см. в: H. Janssen, *Nationalökonomie und Nationalsozialismus: Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreissiger Jahren* (Marburg, 1998); W. Grotkopp, *Die grosse Krise: Lehrenauser der Überwindung der Wirtschaftskrise 1929-32* (Düsseldorf, 1954).

ции, а к реальному росту спроса, производства и занятости. Искусство экономической политики и заключается в том, чтобы точно рассчитать правильную дозу финансируемого за счет кредитов стимулирования, которой хватит для того, чтобы восстановить полную занятость, но будет недостаточно для того, чтобы вытолкнуть экономику за пределы полной занятости и вызвать инфляционный хаос. В 1933 г., с учетом наличия в стране 6 миллионов безработных и того, что большая часть германской промышленности работала на менее чем половинной мощности, преступить эту грань было достаточно сложно.

Первый эксперимент по созданию рабочих мест за счет кредитов был начат не правительством Гитлера, а генералом Шлейхером в декабре 1932 г.¹⁴² Сначала были найдены компании, готовые взяться за выполнение государственных заказов, которые оплачивались не деньгами, а процентными долговыми обязательствами, выдававшимися от имени госучреждений, выступавших в роли заказчиков. Для того чтобы подрядчики согласились на такую необычную форму оплаты, эти обязательства выдавались под гарантии ряда связанных с государством банков. Важнейшими из них были *Deutsche Gesellschaft für öffentliche Arbeiten* и *Deutsche Bau- und Bodenbank*, созданные в 1930 г. с целью финансировать так и не выполненную программу Брюнинга по созданию рабочих мест, принятую в рамках противодействия начинавшемуся кризису¹⁴³. Согласившись на скидку, подрядчик мог обналичить государственные долговые обязательства в любом из банков консорциума. Банки получали необходимые для этого деньги, сами дисконтируя обязательства в Рейхсбанке. Таким образом, обязательства в конечном счете скапливались в Рейхсбанке, который расплачивался за них новыми деньгами. Чтобы такая схема была приемлемой для Рейхсбанка, РМФ обещало выкупать обязательства в соответствии с фиксированным графиком. После выздоровления экономики РМФ должно было финансировать выполнение заказов за счет возросших налоговых поступлений или путем выпуска долгосрочных государственных облигаций с плавающей ставкой, пользуясь оживлением на финансовых рынках и накоплением сбережений.

Анонсирование программы Рейнхардта, несомненно, произвело требуемый пропагандистский эффект. По всей Германии прокатилась волна местных инициатив¹⁴⁴. Национальным чемпионом в «Битве за рабочие места» (*Arbeitsschlacht*) стал Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии. В январе 1933 г., на момент прихода Гитлера к власти, в этом отсталом аграрном анклав, отделенном от Германии Польским коридором, было зарегистрировано 130 тыс. безработных. Всего через шесть месяцев, 16 июля 1933 г., первый Восточно-Прусский округ был объявлен территорией полной занятости. Еще месяц спустя гауляйтер Кох с гордостью доложил фюреру о тотальной «очистке» своей провинции. Ее власти нашли работу для более чем 100 тыс. мужчин и женщин, ярко продемонстрировав энергичность национал-социализма. Были распаханы, удобрены и засеяны пустоши. Новое поколение сельских колонистов получило земельные участки. Геббельс позаботился о том, чтобы это достижение вызывало «изумление и восхищение по всему Рейху и далеко за границами Германии». Но при тщательном рассмотрении выясняется, что по сути восточнопрусская «Битва за рабочие места» с начала и до конца представляла собой тщательно срежиссированный спектакль для СМИ. Аграрная экономика Восточной Пруссии идеально подходила для скорых, но примитивных мер по созданию рабочих мест. И эту глухую провинцию, которой заведовал Кох, в качестве стартовой площадки для общенациональной кампании выбрал Вальтер Функ, бывший редактор делового издания, получивший должность статс-секретаря в геббельсовском Министерстве пропаганды. Геринг, будучи премьер-министром Пруссии, добился от Министерства финансов, чтобы

¹⁴² См. обсуждение механизма финансирования в: K. Schiller, *Arbeitsbeschaffung und Finanzordnung in Deutschland* (Berlin, 1936).

¹⁴³ H.-J. Kwon, *Deutsche Arbeitsbeschaffungs und Konjunkturpolitik in der Weltwirtschaftskrise: Die «Deutsche Gesellschaft für öffentliche Arbeiten AG (Öffa)» als Instrument der Konjunkturpolitik von 1930 bis 1937* (Osnabrück, 1997).

¹⁴⁴ Silverman, *Hitler's Economy*, 69-146.

непропорционально большая доля средств, выделенных на создание рабочих мест, досталась этой территории, на которую приходилось всего 1,89 % немецких безработных¹⁴⁵. И Кох не подвел. Восточнопрусские безработные подверглись безжалостному принуждению. Тысячи женатых мужчин были согнаны в так называемые Товарищеские лагеря (*Kameradschaftslager*), где они занимались тяжелыми земляными работами и прошли программу политического образования, разработанную Германским трудовым фронтом. Кох даже ухитрился выдать за инициативу по созданию рабочих мест один из первых импровизированных концлагерей.

Восточнопрусский триумф стал примером для партийных вождей по всей Германии. За «Планом Коха» последовал «План Тапольского» в Рейнланде, «План Геринга» в Берлине, «План Зиберта» в Баварии и «План Гельмута» во Франконии. Однако примитивная программа Коха с ее «всеобщим ковырянием в земле» не годилась для более развитых регионов Германии¹⁴⁶. Даже в строительном секторе копанье земли было подходящим занятием только для самых неквалифицированных трудящихся. Совсем не такая работа требовалась для каменщиков, плотников, водопроводчиков и электриков. После строительных рабочих второй по численности группой безработных являлись металлисты, с презрением смотревшие на дорожные работы. Еще менее подходящим труд на стройках был для десятков тысяч клерков и секретарей, отчаянно искавших работу в коммерческих кварталах Гамбурга и Берлина. Поэтому неудивительно, что от сокращения безработицы в 1933 г. выиграли главным образом сельские районы. Реальные очаги массовой безработицы – Берлин, Гамбург, Бремен и Рур, – а также такие южные города, как Штутгарт и Мюнхен, были относительно слабо затронуты первыми этапами выздоровления. Ситуацию усугубляло то, что муниципалитеты, подавая заявки в фонды Рейнхардта, нередко сталкивались с мелочной и предвзятой критикой. Строительство новых зданий откладывалось ради строительства дорог. Не рассматривались заявки от тех городов, которые запаздывали с выплатой кредитов на создание рабочих мест, выданных им с 1933 г. Причина такой скупости при исполнении программы Рейнхардта станет более понятной, если мы изучим общее распределение средств. Основная часть этих денег была зарезервирована для местных инфраструктурных проектов разного типа. Однако в 1933–1934 гг. все больше и больше средств, величина которых в итоге достигла 230 млн рейхсмарок, в соответствии с распоряжениями властей Рейха выделялось на решение «специальных задач». Эти «специальные задачи» представляли собой эвфемизм, под которым имелось в виду сооружение военной инфраструктуры – стратегических дорог, аэродромов, казарм и водных путей¹⁴⁷.

В мифологии нацистского режима, связанной с созданием рабочих мест, особое место занимают автобаны¹⁴⁸. Однако ирония судьбы состоит в том, что автобаны никогда не рассматривались в первую очередь как средство создать рабочие места и не внесли ощутимого вклада в борьбу с безработицей¹⁴⁹. Строительство автобанов следовало логике не создания рабочих мест, а национального возрождения и перевооружения – логике не столько практической, сколько символической. Идея сооружения дорожной сети, соединяющей главные центры расселения немецкого народа, владела умами экспертов еще с 1920-х гг. Еще в 1925 г. была основана компания по созданию новой автомобильной «Ганзы» – сети коммерческих городов, соединенных скоростными автотрассами. Гитлер с энтузиазмом подхватил эту идею и вскоре после захвата власти поручил строительство такой дорожной сети Фрицу Тодту (1891–1942)¹⁵⁰.

¹⁴⁵ Из национального фонда регулирования речных стоков и мелиорации земель объемом в 100 млн рейхсмарок Пруссия получила 60 млн рейхсмарок, и треть этой суммы досталась Восточной Пруссии. См.: Silverman, *Hitler's Economy*, 75.

¹⁴⁶ См. уничижительные отзывы Шахта о расходах на создание рабочих мест в: Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 60–66.

¹⁴⁷ Ibid., 60.

¹⁴⁸ R. Stammer (ed.), *Reichsautobahnen: Pyramiden des Dritten Reiches* (Marburg, 1982).

¹⁴⁹ В работе R. J. Overly, *War and Economy in the Third Reich* (Oxford, 1994), 68–89, делается акцент на автомобилизации как на главном механизме экономического возрождения Германии, но эта точка зрения не подтверждается фактами.

¹⁵⁰ К. Н. Ludwig, *Technik und Ingenieure im Dritten Reich* (Dusseldorf, 1974), 303–44.

Тодт был опытным строителем, но Гитлер выбрал его кандидатуру главным образом по политическим соображениям. Тодт был «старым бойцом» Нацистской партии, хранившим безусловную личную верность Гитлеру и без колебаний взявшим на вооружение расовую идеологию. В своем важном меморандуме о «Строительстве дорог и дорожном хозяйстве», составленном в декабре 1932 г., Тодт выдвинул программу модернизации дорог – не в качестве ответа на кризис безработицы, а как средство национальной реконструкции¹⁵¹. Тодт обещал построить за пять лет единую сеть из 6000 километров новых дорог, потребовав на это 5 млрд рейхсмарок. Финансировать это строительство предполагалось не за счет кредитов, взятых в «еврейских банках», а за счет сбережений самих немецких трудящихся. Как дал понять сам Тодт, в конечном счете эта колоссальная дорожная сеть создавалась в военных целях. Принципиальная стратегическая проблема Германии заключалась в ее уязвимости для нападения одновременно с востока и с запада. Автобаны должны были играть роль «дороги жизни» в рамках воссозданной национальной системы обороны. Как обещал Тодт, через пять лет он даст возможность устроить грандиозное повторение французской операции на Марне, спасшей Париж от армий кайзера. Автодороги Тодта позволили бы всего за две ночи напряженной езды перебросить 300 тыс. солдат с восточной на западную границу Рейха. Таким образом, идеи Тодта с самого начала тесно переплетались с мечтой о национальном перевооружении.

Армия в 300 тыс. человек втрое превышала лимит, установленный Версальским договором. Разумеется, это не препятствовало «экономическому использованию» этих дорог в мирное время для «пассажирских и грузовых перевозок». Также Тодт не был чужд и такой цели, как создание рабочих мест. По его оценкам, годовой бюджет в 1 млрд рейхсмарок позволил бы ему нанять 600 тыс. человек, особенно в том случае, если использование техники было бы сведено к минимуму.

Гитлер был в восторге. Преодолев сопротивление национальной железнодорожной компании (*Reichsbahn*), он поддержал планы Тодта и основал корпорацию автодорог Рейха. В последние дни июня 1933 г. Тодт был назначен генеральным инспектором немецких дорог, получив в свое подчинение как автобаны, так и важнейшие дороги местного значения. Организация Тодта со временем стала могущественным институтом Третьего рейха, в своем влиянии на национальную транспортную инфраструктуру выступая в качестве реального противовеса *Reichsbahn* и являясь одним из зародышей будущей системы экономического контроля. 23 сентября на строительной площадке Франкфурт-Дармштадт Гитлер и Геббельс устроили настоящее шоу перед камерами кинохроникеров. Гитлер не просто сделал первый взмах лопатой – он насыпал целую тачку земли¹⁵². Однако на практике воздействие строительства автобанов на безработицу было ничтожным. В 1933 г. на постройке первого участка автобана трудилось не более 1000 рабочих. Через год после назначения Тодта рабочая сила, занятая на сооружении автобанов, насчитывала всего 38 тыс. человек, что составляло ничтожную долю рабочих мест, созданную после прихода Гитлера к власти. Поскольку у гитлеровского режима имелись и другие, более неотложные статьи расходов, Тодт с трудом получал даже средства, необходимые для содержания существующих дорог.

Фонды Шлейхера были полностью распределены уже к концу лета 1933 г., а для выполнения программы Рейнхардта требовалось какое-то время, и потому Рейхсминистерство труда с тревогой ожидало наступления зимы¹⁵³. К сентябрю 1933 г. безработных насчитывалось уже существенно меньше 4 миллионов. Однако, поскольку сбор урожая завершился, а строительный сезон почти закончился, следовало опасаться неминуемого отката. В прошлом, летом

¹⁵¹ F. W. Seidler, *Fritz Todt: Baumeister des Dritten Reiches* (Frankfurt, 1986), 97-102.

¹⁵² Silverman, *Hitler's Economy*, 160.

¹⁵³ BAL R43II 537, 55-69.

1932 г., канцлер Папен допустил катастрофическую ошибку, заявив, что страданиям трудящихся пришел конец, и получив зимой 1932–1933 гг. новый рост безработицы.

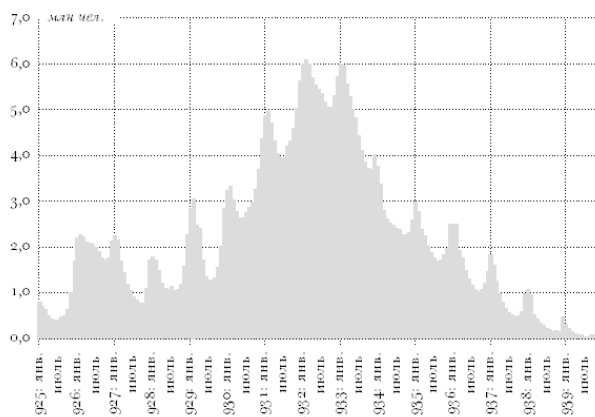

РИС. 1. Безработица в Германии в границах до 1938 г.

Как заявил Гитлер представителям промышленности в конце сентября 1933 г., было крайне важно избежать второго психологического отката. Немцы должны были убедиться в том, что «пик пройден»¹⁵⁴. С этой целью Нацистская партия осенью 1933 г. с удвоенным пылом продолжила пропагандистское наступление на безработицу. Одновременно с этим рейхсминистрства начали готовить новую специальную программу, цель которой состояла в том, чтобы занять строительных рабочих на протяжении трудных зимних месяцев. Вторая программа Рейнхардта, принятая в сентябре 1933 г., представляла собой возвращение к менее амбициозным планам создания рабочих мест, основанным не на прямом влиянии государственного финансирования за счет кредитов, а на косвенных субсидиях частному сектору. Кроме того, она имела более скромные масштабы. 500 млн рейхсмарок было выделено на субсидии для работ по ремонту зданий и еще 300 млн – на процентные субсидии по закладным, взятым до завершения 1933-34 фискального года. Эффект выполнения обеих этих программ был соизмеримым. В первую зиму Третьего рейха число безработных лишь незначительно превысило уровень в 4 млн человек, до которого оно снизилось осенью 1933 г. В политическом смысле задача была решена.

Города наконец-то испытали облегчение. Например, в ганноверском городе Нортгейме «Битва за рабочие места» всерьез началась лишь в октябре 1933 г.¹⁵⁵ Новый мэр из числа нацистов оказывал на местных нанимателей целенаправленное давление, заставляя их брать новых работников. Весной следующего года к этим мерам убеждения прибавилась крупная программа общественных работ. Демонстрируя новое чувство социальной солидарности, нацистские городские власти выделили десятки тысяч человеко-часов на строительство квартир для горожан, страдавших от нехватки жилья. Средневековый городской центр подвергся тщательной реставрации. Окружавшую город стену и ров превратили в общественный парк. Особое внимание было уделено ремонту уцелевших фахверковых домов в центре города. В ближайшем лесу был возведен большой открытый театр. В соответствии с духом времени он был освящен в качестве древнего тевтонского святилища Тингштетте. Но за этой архаикой скрывались совершенно современные цели. К 1936 г. турбюро Нортгейма ежегодно принимало 60 тыс. посетителей, а Тингштетте превратилось в популярное место проведения регулярных нацистских съездов.

¹⁵⁴ Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 65-7.

¹⁵⁵ W. S. Allen, *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town 1918-1933* (Chicago, 1965), 192–208, 258-71.

Местные власти по всей Германии, поощряемые неустанной пропагандой Геббельса, весной 1934 г. с готовностью продолжили борьбу с безработицей. Городской совет Гамбурга, в котором сохранялся повышенный уровень безработицы, составил список желательных проектов на сумму в десятки миллионов рейхсмарок¹⁵⁶. Городские власти пошли на этот шаг, надеясь на благосклонную реакцию Берлина. В августе 1933 г. в обращении к гауляйтерам Гитлер объявил, что борьба с безработицей пройдет в три этапа. Первая волна завершилась в первой половине 1933 г. Второй этап – программа Рейнхардта – представляла собой энергичные оборонительные бои, направленные на закрепление завоеваний предыдущего года. Третий этап битвы за рабочие места должен был состояться в 1934 г. Но, как обнаружили гауляйтеры через год после прихода нацистов к власти, само по себе создание рабочих мест в гражданском секторе уже не являлось главным приоритетом гитлеровского режима. Отныне в повестке дня основное место занимало перевооружение — ключевая цель националистической политики.

II

Мероприятия по перевооружению, предпринятые правительством Гитлера в первые месяцы его существования, подобно мерам в области создания гражданских рабочих мест, опирались на средства и планы, оставшиеся в наследство от Веймарской республики. Какие-либо более радикальные шаги зависели от международной ситуации. Увеличение численности германских вооруженных сил в мирное время представляло собой вопиющее нарушение Версальского договора и вызов международной конференции по разоружению в Женеве. Все это следовало тщательно подготовить и скоординировать с другими аспектами внешней политики, в первую очередь в финансовой сфере¹⁵⁷.

Как мы уже видели, репарационные платежи были фактически остановлены в июле 1931 г. мораторием Гувера. Осенью за ним последовало «соглашение о моратории» по краткосрочным германским долгам. В июле 1932 г. Франция и Великобритания согласились больше не требовать репараций. В декабре 1932 г. Франция сама объявила дефолт по своим военным долгам перед Америкой. После этого прецедента дефолт Германии по 10 млрд рейхсмарок, которые она была должна долгосрочным кредиторам, преимущественно американским, стал вопросом времени¹⁵⁸. Даже после того, как в Лозанне в 1932 г. было заключено соглашение об окончании репараций, Германии для обслуживания своего международного долга ежегодно требовался 1 млрд рейхсмарок в иностранной валюте¹⁵⁹. Вся тяжесть этого бремени для германской экономики можно оценить, если учесть, что общий объем немецкого экспорта в 1933 г. оценивался в 4,8 млрд рейхсмарок, а импорта — в 4,2 млрд рейхсмарок. В этом отношении мы снова видим катастрофическое влияние глобальной дефляции на страны-должники. В 1929 г. немецкий экспорт превышал 8 млрд рейхсмарок. Объемы немецкого импорта, разумеется, снизились вместе с мировыми товарными ценами. Но в пропорциональном смысле долговое бремя резко увеличилось.

Немецкая экономика не могла прожить без импорта. Для того чтобы прокормить свое многочисленное население, Германии приходилось импортировать жиры и корм для скота.

Отечественные ресурсы не позволяли удовлетворить огромные потребности 19 млн немецких домохозяйств в мясе, молоке и масле. Гигантские стада германских свиней и коров могли существовать лишь за счет высококалорийных животных кормов, импортировавшихся в громадных количествах. Такие крупные отрасли промышленности, как текстильная, полно-

¹⁵⁶ Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 170-71.

¹⁵⁷ S. Dengg, *Deutschlands Austritt aus dem Völkerbund und Schachts Neuer Plan* (Frankfurt, 1986).

¹⁵⁸ См. прошедшее в Рейхсбанке предварительное обсуждение всех «за» и «против» в: BAL R25016439, 165-5208.

¹⁵⁹ См. оценки того времени в: VzK 8.01.1934, 175.

стью зависели от импортного хлопка и шерсти. В доменные печи Рура загружалась железная руда из Скандинавии, зависимость от которой усилилась после потери Эльзаса и Лотарингии в 1918 г. Единственным ресурсом, имевшимся в Германии в изобилии, был уголь. Но растущий германский парк легковых машин, грузовиков и самолетов работал на нефтепродуктах и нуждался в шинах, производившихся из импортного каучука. С учетом этой зависимости уровень импорта служил наилучшим показателем состояния «обмена веществ» в немецкой экономике. В 1928 г., когда в Веймарской республике наблюдалась почти полная занятость, реальные объемы импорта со скидкой на очень сильное падение глобальных товарных цен были на 50 % выше, чем те, с которыми Германия существовала в 1933 г. Германская экономика не могла вернуться к сколько-нибудь нормальному уровню экономической активности без значительного роста объемов привозного сырья. Ситуацию усугубляло то, что Германия оправлялась от кризиса одновременно с Великобританией и США и их совокупный спрос повлек за собой цепную реакцию роста цен на мировых товарных рынках. Поэтому все зависело от способности Германии поддерживать здоровый поток экспорта, требовавшийся для обслуживания долга и оплаты импорта.

Однако по экспортной торговле Германии больно ударила волна валютной нестабильности, вызванная отказом Британии от золотого стандарта в 1931 г., и последующее наступление протекционизма в общемировом масштабе. Как с обезоруживающей откровенностью признавал сэр Фредерик Филлипс, служивший в Казначействе Его Величества, «Ни одна страна не наносила более тяжелого удара по международной торговле, чем это сделали мы, когда 1) обесценили фунт и 2) почти одновременно с этим перешли от свободной торговли к протекционизму»¹⁶⁰. Положение еще более ухудшилось после того, как Рузвельт в апреле 1933 г. девальвировал доллар. Хотя девальвация доллара облегчила долговое бремя Германии, выраженное в рейхсмарках, немецким экспортерам после этого стало еще труднее зарабатывать требовавшиеся для страны доллары. К 1933 г. германский торговый баланс начал неудержимо сползать к дефициту, а имевшиеся у Рейхсбанка ограниченные запасы иностранной валюты быстро иссякали¹⁶¹. В январе 1933 г. национальные резервы зарубежной валюты превышали 800 млн рейхсмарок. К лету запасы Рейхсбанка из-за выплаты долгов сократились до 400 млн, чего хватало для оплаты не более чем месячного минимального импорта. Помимо политического значения внешнего долга, быстро приближался момент, когда гитлеровский режим должен был столкнуться с непростым выбором. С одной стороны, он мог принять отчаянные меры по увеличению экспорта, включая девальвацию рейхсмарки, сделавшую бы ее конкурентоспособной по отношению к фунту и к доллару. Если бы экспорт не вырос, то предстояло бы сделать тяжелый выбор между сохранением минимальных объемов импорта, необходимого для восстановления германской экономики, и отказом от него ради удовлетворения требований зарубежных кредиторов Германии.

В 1930 г., столкнувшись с такой же дилеммой, правительство Брюнинга избрало последний вариант, произведя дефляцию и сократив импорт с тем, чтобы позволить Германии выполнить свои репарационные обязательства. В свете позиции, занятой Гитлером и его коллегами после принятия плана Янга, можно было не сомневаться в том, какой курс они выберут. В апреле 1933 г. кабинет выдал Шахту карт-бланш на объявление моратория по внешним долгам Германии в тот момент, когда он сочтет это нужным¹⁶². Поначалу Шахт надеялся использовать сложную ситуацию в США, объявив дефолт немедленно¹⁶³. Он рассчитывал на то, что администрация Рузвельта, занятая кризисом в отечественном сельском хозяйстве, будет готова

¹⁶⁰ Цит. по: N. Forbes, *Doing Business with the Nazis* (London, 2000), 99.

¹⁶¹ См. оценку вероятного сальдо счета движения капитала в Германии за март – декабрь 1933 г., сделанную Рейхсбанком 15 марта 1933 г. в: BAL R2501 6440, 48–51.

¹⁶² См. дискуссию относительно позиции Рейхсбанка в: BAL R2501 6440, 6505.

¹⁶³ H.-J. Schroder, *Deutschland und die Vereinigten Staaten 1933–1939* (Wiesbaden, 1970), 78.

пожертвовать интересами Уолл-стрит в обмен на согласие Германии увеличить импорт сырья. Первая беседа Шахта с Рузвельтом как будто бы подтверждала возможность такого исхода. Но еще до того, как Шахт успел пойти на необратимый шаг, вмешался Госдепартамент США, выпустив резкое коммюнике, в котором подчеркивалось, что новая администрация ожидает от Германии выполнения ею своих обязательств по долгам. И в последний момент попавший в неловкое положение Шахт был вынужден дать задний ход¹⁶⁴. Однако, в отличие от 1920-х гг., нажима со стороны США уже не хватало для того, чтобы принудить Германию к повиновению. В конце мая 1933 г. Шахт организовал в Берлине совещание кредиторов Германии, на котором пытался убедить их в необходимости хотя бы частичного моратория. Однако кредиторы не были уверены в добросовестности намерений Шахта и отказались пойти на какие бы то ни было уступки. Ежемесячные сведения об обороте средств Рейхсбанка наводили на мысль о том, что Шахт сознательно усугубляет нехватку валюты, без всякой нужды ускоряя выплату краткосрочных долгов¹⁶⁵. Невозможность достичь компромисса дала Шахту требовавшийся ему предлог для односторонних действий. 8 июня кабинет одобрил вводившийся с 30 июня односторонний мораторий по германским долгосрочным внешним долгам. Предполагалось, что в качестве жеста «доброй воли» германские должники будут производить выплаты в рейхсмарках, переводя их на счета, открытые в Рейхсбанке. Однако рейхсмарки, накапливавшиеся на счетах кредиторов, не подлежали обмену на иностранную валюту. Выплаты в иностранной валюте должны были возобновиться лишь после того, как внешняя торговля Германии вернется к здоровому профициту. А это в конечном счете зависело от стран-кредиторов. Если они хотели погашения того, что им были должны, то им следовало покупать немецкие товары. Если Германия не добьется необходимого торгового профицита, то от нее не стоит ожидать участия в крупномасштабном обслуживании внешнего долга.

Приостановка выплат по долгам стала первым откровенно агрессивным внешнеполитическим шагом гитлеровского правительства. Он ожидался многими, но все равно вызвал шок и возмущение в коммерческих столицах мира¹⁶⁶. После личного знакомства с Шахтом Рузвельт называл его просто «ублюдком»¹⁶⁷. Всемирная экономическая конференция, открывшаяся в Лондоне 12 июня 1933 г., могла бы стать ареной для согласованной международной реакции. Но летом 1933 г. шансов для этого было мало. Между США, Великобританией и Францией наблюдались глубокие разногласия по всем принципиальным вопросам экономической политики¹⁶⁸. Более того, даже среди американских политиков не было единства¹⁶⁹. С одной стороны, госсекретарь Корделл Халл и президент Рузвельт вели себя как интернационалисты, настаивая на как можно более скором проведении Всемирной экономической конференции, призванной оздоровить ситуацию посредством глобального тарифного перемирия. После того как Гугенберг в ответ на главное требование аграрных кругов поспешил ввести новую систему квот и монополий в сфере импорта, гитлеровское правительство сочло необходимым поддерживать

¹⁶⁴ См. описание этого визита в: G. Weinberg, «Schachts Besuch in den USA im Jahre 1933», *vfz* 11 (1963), 166-80; A. O. Offner, *American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933-1938* (Cambridge, Mass., 1969), 28-9.

¹⁶⁵ Эти подозрения подтверждаются и внутренней статистикой Рейхсбанка: BAL R2501 6440, 127.

¹⁶⁶ B. J. Wendt, *Economic Appeasement: Handel und Finanz in der britischen Deutschland-Politik 1933-1939* (Dusseldorf, 1971), 131-40; Forbes, *Doing Business*, 69.

¹⁶⁷ Clavin, *Failure*, 108.

¹⁶⁸ Ibid., 89-165. Проливая новый свет на роль Великобритании, Клавен все же явно заходит слишком далеко в попытках снять с Америки ответственность за провал конференции. Поучительный обзор реакции французов на конференцию см. в: C. Maddison, «French Inter-war Monetary Policy» (EUI thesis, 1997), 276-304.

¹⁶⁹ О пагубном влиянии этих разногласий на попытки Халла организовать в 1933 г. заключение англо-американского торгового соглашения, которое представляло бы собой серьезную угрозу для стратегии Шахта, см.: P. Clavin, «Shaping the Lessons of History: Britain and the Rhetoric of American Trade Policy, 1930-1960», in A. Marrison (ed.), *Free Trade and its Reception 1813-1960* (London, 1998), 287-307; M. A. Butler, *Cautious Visionary: Cordell Hull and Trade Reform, 1933-1937* (Kent, Ohio, 1998), 15-45. В Америке не было единства не только по экономическим вопросам. Конгресс препятствовал и стремлению администрации Рузвельта встать во главе процесса разоружения. См.: Offner, *American Appeasement*, 35-41.

повестку дня Халла – по крайней мере до момента завершения конференции. С другой стороны, Рузвельт сам подрывал свои позиции защитника мировой торговли. Он публично отсро-чил какое-либо снижение американских тарифов до 1934 г. и, еще раньше, допустил свободное падение курса доллара¹⁷⁰. С целью ограничить масштабы ущерба британцы отчаянно пытались уговорить Рузвельта согласиться на стабилизацию взаимного курса фунта и доллара на уровне, близком к тому, который наблюдался до 1931 г. Но Рузвельт 3 июля ответил на это своей так называемой телеграммой-бомбой, дав понять, что о стабилизации доллара не может быть и речи. Восстановление американской экономики являлось для него абсолютным приоритетом, даже если бы при этом пришлось довести до нищеты главных торговых партнеров Америки.

В этих условиях не существовало никакой надежды на достижение в Лондоне сколько-нибудь значимого соглашения и тем более на согласованную реакцию на действия Германии. Рейхсминистр Гугенберг сумел поставить в неловкое положение остальных членов германской делегации, разразившись спонтанным требованием не только возвращения колоний, – но и пожелав, чтобы Германии не чинили помех в экспансии на восток. Однако летом 1933 г. германские проблемы меркли на фоне общего расстройствa глобальной финансовой системы. Более того, Берлин не поддержал демарш Гугенберга. Колонии занимали умы политиков старой школы, не являясь существенной частью внешнеполитических идей Гитлера. К концу месяца Гугенберг подал в отставку со всех своих постов и его партия, НННП, вместе с ним ушла в забвение. В Министерстве сельского хозяйства Гугенберга сменил радикальный нацистский идеолог Вальтер Дарре. Министром экономики вместо Гугенберга стал Курт Шмитт, генеральный директор ведущей немецкой страховой компании *Allianz*. В свою очередь, Шахт покинул Лондон с укрепившимся убеждением в том, что дни многовекторной мировой экономики остались в прошлом.

Точно в тот момент, когда Германия объявила мораторий по своим долгосрочным долгам, правительство Гитлера сделало первые решительные шаги по пути к перевооружению. Условия финансового пакета, на который опиралась первая реальная фаза перевооружения, были задним числом зафиксированы в меморандуме вермахта от 1938 г. В этом источнике не содержится сведений о точной дате достижения соглашения, но, скорее всего, это произошло на заседании кабинета 8 июня 1933 г., в тот же самый день, когда было объявлено о германском моратории по долгам¹⁷¹. На заседании присутствовали Шахт, министр обороны Бломберг, Геринг, а также Эрхард Мильх, статс-секретарь Министерства авиации. Масштабы принятой программы ознаменовали резкий разрыв со всеми предшествовавшими планами перевооружения Германии. Цифра, одобренная Шахтом, составляла 35 млрд рейхсмарок, которые предстояло потратить в течение восьми лет, то есть почти по 4,4 млрд рейхсмарок в год. Для того чтобы оценить эти величины, следует учесть, что ежегодные военные расходы Веймарской республики составляли не миллиарды, а сотни миллионов рейхсмарок. Общий национальный доход в 1933 г. сократился до 43 млрд рейхсмарок. Даже со скидкой на быстрое восстановление экономики программа Шахта требовала, чтобы в течение следующих восьми лет на оборону тратилось от 5 % до 10 % германского ВВП. Это в два-три раза выше соответствующей нагрузки большинства современных стран Запада, и нести эти расходы предстояло стране, имевшей значительно более низкий уровень дохода на душу населения. В США и Великобритании подобный уровень военных расходов в мирное время поддерживался лишь в 1950-х гг., в самые напряженные периоды холодной войны и в условиях намного более высокого уровня

¹⁷⁰ P.J. Hearden, *Roosevelt Confronts Hitler: America's Entry into World War II* (Dekalb, 111., 1987). 33.

¹⁷¹ Аргументы в пользу такой датировки приводятся в: M. Geyer, «Das Zweite Rüstungsprogramm (1930–1934)», MGM 17(1975), 134. Цифра в 35 млрд рейхсмарок фигурирует в докладе, переизданном в: M. Geyer, «Rüstungsbeschleunigung und Inflation: Zur Inflationsdenkschaft des Oberkommandos der Weltmacht vom November 1938», MGM 30 (1981), 121–86, где принятие этой программы датируется весной 1934 г. Хотя такое совпадение станет менее точным, если следовать этой датировке, с точки зрения выдвигаемой нами аргументации это не имеет особого значения.

дохода на душу населения. Таким образом, принятая в июне 1933 г. программа стоимостью в 35 млрд рейхсмарок подразумевала если не полную милитаризацию германского общества, то по крайней мере создание крупного военно-промышленного комплекса, что должно было иметь серьезные последствия для остальной экономики.

С учетом плачевного состояния германской экономики в 1933 г. и потрясений на финансовых рынках обеспечить даже первый взнос из этих 35 млрд рейхсмарок путем налогов или традиционных займов было совершенно нереально. Поэтому летом 1933 г. Шахт создал военный вариант системы внебюджетного финансирования, впервые использовавшейся при создании гражданских рабочих мест¹⁷². Уже в апреле 1933 г. кабинет согласился освободить вооруженные силы от нормальных процедур бюджетного надзора¹⁷³. Через несколько недель после прошедших в начале июня заседаний были учреждены специальные бухгалтерии, через которые проходили внебюджетные средства, предназначавшиеся для армии. На апрель 1934 г. оплата военных заказов производилась долговыми обязательствами, выданными от имени *Mefo GmbH*. Эта подставная компания имела капитал в 1 млн рейхсмарок, предоставленных такими фирмами, как *Vereinigte Stahlwerke*, *Krupp*, *Siemens*, *Deutsche Industrie Werke* и *Gutehoffnungshutte (GHN)*¹⁷⁴. *Krupp* и *Deutsche Industrie Werke* были крупными производителями вооружений. *Deutsche Industrie Werke* находилась во владении государства. *Siemens* и *Vereinigte Stahlwerke*, которым военные заказы тоже обещали огромные прибыли, скорее всего, были включены сюда из-за их превосходного рейтинга кредитоспособности. Эти долговые обязательства, поручителями по которым являлись такие громкие имена, стали приемлемым обеспечением для Рейхсбанка. Подрядчики, с которыми расплачивались векселями *Mefo*, могли с небольшой скидкой обналичить их в центральном банке. Но поскольку гарантию выплаты по этим векселям фактически давало государство и на них начислялись хорошие проценты, то в большинстве своем они оставались в обращении. Небольшое количество векселей *Mefo* было выпущено осенью 1933 г., чтобы дать возможность первым подрядчикам люфтваффе преодолеть кризис наличности¹⁷⁵. Крупномасштабные выплаты начались в апреле 1934 г., будучи удачно приуроченными к новому пропагандистскому наступлению, сопровождавшему вторую волну мер по созданию рабочих мест.

Во всем, кроме пропаганды, мероприятия 1933 г. по созданию гражданских рабочих мест меркли на фоне решений, связанных с перевооружением и внешними долгами. Пакет военных расходов далеко превосходил все, когда-либо замышлявшееся в плане создания рабочих мест. В соответствии с соглашением, заключенным в июне 1933 г., военные расходы должны были почти в три раза превышать общую стоимость всех мер по созданию гражданских рабочих мест, объявленных в 1932 и 1933 г. Однако более важным был стратегический аспект. Создание рабочих мест – это сугубо внутреннее дело страны. И напротив, германский мораторий по долгам и решения в области перевооружения влекли за собой последствия глобального масштаба. Может быть, мораторий по долгам лишь по чистой случайности был объявлен в тот же день, когда кабинет принял решение о перевооружении, но это совпадение тем не менее указывает на логику, скрывавшуюся за обоими событиями. Как мы уже видели, с начала 1920-х гг. германская стратегия безопасности основывалась на противопоставлении экономического влияния США военной угрозе, которую Германия ощущала со стороны своих европейских соседей. Финансовым воплощением этой трансатлантической игры служили долги Германии перед США. Как мы уже видели, Брюнинг признавал эти обязательства даже во время кризисов 1931 и 1932 г. Принятое летом 1933 г. решение инициировать дефолт ознаменовало собой

¹⁷² E.L. Homze, *Arming the Luftwaffe* (Lincoln, Nebr., 1976), 258.

¹⁷³ M. Geyer, *Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1914–1926* (Wiesbaden, 1980) 348.

¹⁷⁴ W. Feldenkirchen, *Siemens 1919–1945* (Münich, 1995), 497–8; W. Abelshauser, in L. Gall (ed.), *Krupp im 20. Jahrhundert* (Berlin, 2002), 273.

¹⁷⁵ L. Budrass, *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland* (Dtisseldorf, 1998), 317–18.

ключевой поворотный пункт¹⁷⁶. По сути, правительство Гитлера объявило о своей независимости от неявных гарантий безопасности, которые Америка давала Веймарской республике с 1923–1924 гг. Разрыв поначалу был лишь частичным. Столкнувшись с негодованием кредиторов, Гитлер и Шахт воздержались от введения полного моратория. После первого заявления они согласились продолжить хотя бы частичные выплаты. Между тем германская пропаганда по-прежнему разглагольствовала о необходимости сохранять хорошие отношения с Америкой. Однако мораторий стал первым решительным шагом – вполне логично, что ему сопутствовало перевооружение. Сбросив бремя американских долгов и отказавшись от защиты, которую обеспечивала Америка, гитлеровское правительство объявило о своем намерении вновь вступить в опасную игру общеевропейского военного соперничества.

В своей «мирной речи» от 17 мая 1933 г. Гитлер все еще пытался унять тревогу и внутри страны, и за границей¹⁷⁷. Но это был не более чем тактический ход. 17–18 июня 1933 г. в конфиденциальных беседах с венгерским авторитарным премьер-министром Дьюлой Гембешем Гитлер откровенно высказал свое намерение «полностью раздавить Францию»¹⁷⁸. И после одобрения программы в 35 млрд рейхсмарок стало ясно, что долго обманывать общественность не удастся. Германии нужно было каким-то образом уйти с женевских переговоров по разоружению. Такая возможность представилась в октябре 1933 г., когда британцы выдвинули новые предложения о разоружении. Французы сразу же отвергли всякие намеки на то, что им следует сделать первый шаг и сократить свои крупные вооруженные силы. В свою очередь, британцы не дали согласия на контрпредложение немцев о том, чтобы им позволили перевооружиться до сокращенного уровня, предложенного для других европейских держав. Гитлеровское правительство решило интерпретировать этот отказ как отход британцев от важнейшего принципа паритета, якобы обещанного Германии в декабре 1932 г. 14 октября 1933 г. Гитлер объявил, что больше не желает терпеть унижительный второсортный статус Германии, вследствие чего она покидает переговоры о разоружении и выходит из Лиги Наций¹⁷⁹. Гитлер сделал этот шаг при полной поддержке Бломберга и министра иностранных дел Константина фон Нейрата и горячем одобрении со стороны Шахта и наиболее активных политиков из числа представителей германской промышленности. Не может быть никаких сомнений и в том, что этот смелый шаг, покончивший с последним унижительным пережитком Версальского договора, был с огромным пониманием встречен немецкой публикой. Однако за кулисами в Берлине царили панические настроения. Бломберг и Геринг явно ожидали, что Польша и Франция ответят на этот жест военной интервенцией. Готовились отчаянные планы по обороне Берлина. Но в конечном счете Третий рейх еще раз выиграл от разобщенности его врагов. Зимой 1933–1934 гг. французское правительство было парализовано неожиданным всплеском местной фашистской активности, кульминацией которого стали ожесточенные уличные бои в начале 1934 г.¹⁸⁰ Польша в начале 1934 г. была нейтрализована экономическими уступками и договором о дружбе. Тем не менее агрессивные действия Берлина, как это впоследствии случится еще не раз, породили ощущение угрозы, которое, в свою очередь, послужило оправданием для ускорения перевооружения Германии¹⁸¹. Все три рода войск вооруженных сил страны подготовились к освое-

¹⁷⁶ Несколько странно то, что в работе: Schröder, *Deutschland und die Vereinigten Staaten*, 29–92, 121–67 – слабо затрагивается тема последствий германского дефолта, а основное внимание уделяется торговле. Вейнберг много пишет о дефолте, но не рассматривает его в контексте событий 1920-х гг.; см.: Weinberg, *Foreign Policy I*, 133–45. Более сбалансированное резюме см. в: H. Sirois, *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941* (Paderborn, 2000), 51–9.

¹⁷⁷ Domarus, I. 269–78.

¹⁷⁸ См.: Weinberg, *Foreign Policy I*, 89–93, 111–14.

¹⁷⁹ Dengg, *Deutschlands Austritt*, 278–306.

¹⁸⁰ P. Bernard and H. Dubief, *The Decline of the Third Republic* igi4–igg8 (Cambridge, 1988), 219–28.

¹⁸¹ B. R. Kroner, «Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet»: *Generaloberst Friedrich Fromm. Eine Biographie* (Paderborn, 2005), 219–21.

нию 35 млрд рейхсмарок, обещанных им их благодетелем, в роли которого выступил Рейхсбанк. Первыми на старт вышли Геринг и новое Рейхсминистерство авиации (рма). Принятые в 1932 г. планы предусматривали создание секретных военно-воздушных сил, насчитывающих 200 машин. В середине сентября Мильх увеличил запланированную на 1935 г. численность фронтовой авиации до 2000 машин¹⁸². Как мы увидим ниже, тем самым было положено начало гигантской программе промышленного строительства, контролировавшейся геринговским Министерством авиации. Армия окончательно приняла свою расширенную программу вооружений в декабре 1933 г.¹⁸³. Наращивание армии должно было происходить в два четырехлетних этапа. К концу 1937 г. следовало создать постоянную армию численностью в 21 дивизию или 300 тыс. человек, которая в военное время могла быть увеличена до 63 дивизий. Германское руководство надеялось, что этого хватит для эффективной обороны в случае совместного удара со стороны Польши и Франции. Наступательные мощности предполагалось создать в ходе следующего четырехлетнего этапа, с 1938 по 1941 гг. Армейская программа, принятая в декабре 1933 г., важна в том отношении, что в ней была запрограммирована дальнейшая радикализация внешней политики Гитлера. С тем чтобы выполнить поставленную задачу и создать вооруженные силы численностью в 300 тыс. человек, в течение двух ближайших лет следовало учредить воинский призыв, что представляло собой грубейшее нарушение Версальского договора. Более того, нужно было решить проблему Рейнской области. Согласно условиям договора зона к западу от Рейна оставалась демилитаризованной. Это означало невозможность защиты Рура, сердца германской тяжелой промышленности. Но без индустриальных ресурсов Рура никакие реалистичные планы по ведению войны были невозможны. Поэтому самое позднее к концу 1937 г. следовало полностью восстановить германский контроль над Рейнской областью. С декабря 1933 г. часы начали отсчитывать время до момента конфронтации с Францией.

В свете этого противостояния можно было бы ожидать, что гитлеровское правительство постарается защититься, наладив более тесные связи с Великобританией. Однако в декабре 1933 г. при полной поддержке кабинета, Шахт усилил нажим на финансовом фронте, посчитав его таким образом, чтобы как можно сильнее задеть и британцев, и американцев. В июне 1933 г. мораторий Шахта вызвал столь сильные протесты, что Германия была вынуждена отступить и продолжить выплату как основной части долга зарубежным кредиторам, так и процентов – по крайней мере в половинном объеме. На еще более благоприятных условиях удалось договориться с голландцами и швейцарцами¹⁸⁴. Эти страны, несмотря на их небольшой размер, входили в число крупнейших краткосрочных кредиторов Германии. Кроме того, в качестве крупных покупателей германского экспорта они являлись жизненно важным источником твердой валюты. Поэтому на переговорах с Рейхом они находились в выигрышной позиции. Например, если бы Швейцария навязала Германии принудительное клиринговое соглашение, объявив удовлетворение интересов своих кредиторов приоритетным по отношению к германской экспортной выручке, то это бы лишило Рейхсбанк твердой валюты, в которой он отчаянно нуждался, чтобы оплачивать импорт сырья и продовольствия из США и Британской империи¹⁸⁵. С другой стороны, голландцы и швейцарцы были весьма заинтересованы в сохранении торговых связей со своей намного более крупной соседкой и более чем обоснованно опасались того, что за их спиной будет заключено невыгодное для них соглашение об урегулировании долга с Великобританией и США. Итогом стали клиринговые соглашения, в соот-

¹⁸² Н. Pophanken, *Gründung und Ausbau der «Weser»-Flugzeugbau GmbH 1933 bis 1939* (Bremen, 2000), 25, 30; Homze, *Arming*, 46–62; Budrass, *Flugzeugindustrie*, 293–335.

¹⁸³ *Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* (далее DRZW) (Frankfurt, 1989), 1. 487–8; W. Deist, *The Wehrmacht and German Rearmament* (London, 1981), 28–31.

¹⁸⁴ W. A. Bölcke, *Deutschland als Welthandelsmacht, 1930–1945* (Stuttgart, 1994), 23–6.

¹⁸⁵ Эти опасения впервые были выражены в меморандуме Рейхсбанка, составленном 28 марта 1933 г.: BAL R2501 6439, 165–208. В дальнейшем они повторялись в ходе всех дискуссий. См. полезное резюме в: R25016604, 375–404.

ветствии с которыми голландцы и швейцарцы брали на себя обязательство широко открыть свои двери для германского импорта в обмен на готовность Германии продолжить выплаты по голландским и швейцарским долгам. Представители британских и американских кредиторов громко, но тщетно протестовали против этого неравноправного договора. Восемнадцатого декабря, ровно в тот момент, когда был окончательно выработан новый план по увеличению численности германской армии, Шахт объявил об одностороннем сокращении уровня выплат зарубежным кредиторам с 50 до 30 %. Британцев особенно возмутило то, что этот мораторий распространялся и на займы по планам Дауэса и Янга, хотя предполагалось, что выдававшие их кредиторы обладают первоочередным правом на германские ресурсы¹⁸⁶. Ярость в Лондоне и Вашингтоне не знала пределов. В январе 1934 г. британское правительство предъявило Германии формальный ультиматум, согласно которому в случае, если Шахт не вернется за стол переговоров, германская выручка от экспорта в Британию будет подлежать принудительному клирингу. Британские власти возьмут ее под свой контроль и будут удерживать из нее суммы, призванные удовлетворить претензии Сити. Такая жесткая реакция британцев заставила Шахта временно отступить. На апрель 1934 г. было назначено общее собрание кредиторов в Берлине, а обслуживание займов, полученных в соответствии с планами Дауэса и Янга, временно возобновилось.

Пока Шахт вновь привлек всеобщее внимание к проблеме долга, германский флот также начал готовиться бросить прямой военный вызов Британии. Так как Гитлер раньше высказывал желание заключить союз с Британией, адмиралы опасались, что на них не прольется золотой дождь средств, выделенных на перевооружение. Гитлер старался избежать конфликта с Великобританией по поводу колоний. Однако адмирал Эрих Редер умело манипулировал фюрером, благодаря чему в марте 1934 г. была принята и программа увеличения флота под вывеской «замены старых кораблей новыми»¹⁸⁷. Подобно люфтваффе и армии, Редер считал, что Германии следует делать односторонние шаги без оглядки на международную реакцию на ее перевооружение. Поэтому Редер в нарушение версальских ограничений запланировал создание серьезных сил: 8 линкоров вместо 6, разрешенных Версальским договором, 3 авианосца, не предусмотренных в договоре, 8 крейсеров вместо разрешенных 6, 48 эсминцев вместо разрешенных 12 и 72 подводные лодки, вообще запрещенные. С учетом высокой стоимости и сложности строительства боевых кораблей осуществление этих планов требовало большого времени. Новый флот был бы готов не ранее 1949 г. Однако начинать освоение средств следовало немедленно: со второй половины 1934 г. верфи северной Германии стали получать крупные заказы. В 1933 и 1934 г. вся эта военная деятельность производилась в полной тайне. В интервью иностранным СМИ Гитлер все так же отрицал принятие каких-либо реальных мер в сфере перевооружения. Однако к весне 1934 г. активность немцев приняла такой размах, что ее было уже невозможно скрыть от проницательных зарубежных наблюдателей¹⁸⁸. В апреле 1934 г. в ответ на публикацию бюджета Рейха, предусматривавшего резкий рост военных расходов, французы отказались от каких-либо дальнейших двусторонних дискуссий по военным вопросам¹⁸⁹. В ответ на просьбы объяснить увеличение военного бюджета представители Рейха делали каменное лицо, утверждая, что Германия производит только необходимые расходы на содержание вооруженных сил и на их обновление.

¹⁸⁶ Wendt, *Economic Appeasement*, 162-9; Forbes, *Doing Business*, 74-82.

¹⁸⁷ J. Dülffer, *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau, 1920-1939* (Düsseldorf, 1973), 251-3; J. Dülffer, *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648-1939*, VIII (Münich, 1977), 453-5; DRZW 1. 540-46.

¹⁸⁸ К моменту открытия Всемирной экономической конференции в 1933 г. Великобритания, Франция и США уже располагали подробными сведениями о германском перевооружении; см.: Clavin, *Failure*, 182.

¹⁸⁹ Weinberg, *Foreign Policy* I, 169-72.

III

К чему правительство Рейха стремилось привлечь внимание в начале 1934 г., так это к следующей фазе «Битвы за рабочие места». С самого начала 1934 г. Министерство пропаганды и Министерство экономики вели активные консультации, готовясь к торжественному открытию второго этапа «Битвы за рабочие места», намеченному на 21 марта, когда по традиции отмечался приход весны. Празднества были расписаны буквально по минутам. Кульминацией торжеств, проходящих по всей стране, должно было стать выступление Гитлера перед рабочими, собранными на месте строительства автобана в Унтергахинге под Мюнхеном. В черновой программе «для служебного пользования», распространенной 5 марта, значилось:

10.45. Прибытие строителей государственного автобана (около 1000 чел.) на место строительства. Недавно нанятых рабочих следует разместить отдельной группой. Место строительства оцепляется на протяжении 500 метров с тем, чтобы не допустить чрезмерного скопления зрителей (силы для оцепления предоставляются полицией и С С).

11.00. Прибытие фюрера на место строительства (все немецкие радиостанции начинают передачу), вступительный радиорепортаж. Фюрера приветствует гауляйтер (3 минуты). Генеральный инспектор германских дорог, д-р Тодт, делает доклад о рабочих мюнхенского участка и всех прочих автодорог Рейха и о ходе строительства (3 минуты). Он приглашает фюрера осмотреть дорогу.

11.10–11.25. Фюрер осматривает дорогу. Его сопровождают:

гауляйтер,

рейхсминистр труда,

статс-секретарь Функ из Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды,

генеральный инспектор германских дорог д-р Тодт,

вождь Трудового фронта д-р Лей,

председатель совета правления Государственных автомобильных дорог, генеральный директор Дорпмюллер,

начальник Баварского отделения Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, Ниппольд,

главный инженер мюнхенского участка строительства,

2 строителя,

(Силы оцепления принимают меры к тому, чтобы больше никто не присоединился к сопровождению фюрера). Пока Гитлер осматривает дорогу, проходит выступление рейхсминистра народного просвещения и пропаганды. Его речь передается только по радио и не транслируется громкоговорителями на месте строительства. Когда группа фюрера приближается к концу строительного участка, оркестр мюнхенского отделения *Nationalsozialistische Betriebszellenorganisation (NSBO)* играет один куплет песни «Братья в цехах и на шахтах» [*Brüder in Ziehen und Gruben*]¹⁹⁰. Выступление министра пропаганды завершается с началом игры оркестра.

11.25. Группа фюрера достигает конца строительного участка. 11.25–11.45. Выступление фюрера.

11.45. Исполняются по одному куплету из песен *Deutschlandlied* и *Horst Wessel*.

11.50. Конец передачи¹⁹¹.

¹⁹⁰ Эту нацистскую песню, прославляющую трудящихся страны и Гитлера как ее героического руководителя, можно загрузить в качестве аудиофайла как минимум с одного веб-сайта. Кроме того, она доступна на компакт-дисках.

¹⁹¹ BAL R3101 9930, 602.

Выступление Гитлера транслировалось по радио на всю страну, будучи ключевым моментом всех намеченных на то утро мероприятий и митингов. С тем чтобы каждый мог услышать фюрера, Министерство пропаганды объявило общенациональный перерыв в работе, начинавшийся в 10.45. Для того чтобы избежать излишних конфликтов, Гитлер решил, что рабочим не должны за это делать вычеты из зарплаты, но что в компенсацию за простой наниматели имеют право потребовать от них дополнительный час работы и не оплачивать его. Министерство пропаганды выработало точные указания по проведению всех местных мероприятий, организовывавшихся на всех строительных площадках, заводах, магазинах, фермах и конторах. Были изданы и инструкции для школ. Директора школ должны были выступить перед началом радиопередачи и разъяснить смысл данных торжеств, а также «национальное экономическое значение „Битвы за рабочие места“». На практике инструкции Министерства пропаганды содержали в себе минимум указаний. Дело брали в свои руки местные партийные деятели. Например, в промышленном Ганновере празднества начались в 7 часов утра с торжественного «призыва на работу» 1000 безработных перед городской биржей труда¹⁹². Люди, только что получившие работу, построились в колонны и прошли маршем по центру города, направляясь на десять строительных площадок, работы на которых открылись специально по данному случаю. День завершился публичными выступлениями и митингом, объединившим тех, кто нашел работу после 1933 г., и тех, кто еще оставался безработным. Посыл этих мероприятий был ясен: в национальной борьбе за восстановление экономики никто не будет забыт.

В качестве пропагандистского начинания «Битва за рабочие места» весной 1934 г. вступила в новый этап. Однако примечательно то, что ни в 1934 г., ни позже, на национальные проекты по созданию рабочих мест не было выделено ни одной новой рейхсмарки: соответствующее формальное решение было принято берлинскими министерствами 6 декабря 1933 г.¹⁹³ Для того чтобы импульс сохранился и в 1934 г., было санкционировано уже достаточно много проектов. Податели новых заявок уведомлялись о том, что фонды Рейнхардта полностью распределены и денег больше нет. С величайшим трудом выделения специальных средств удалось добиться только таким очагам безработицы, как Берлин и Гамбург. В обоих случаях верх взяли политические соображения. Геббельс и Геринг рассматривали Берлин как свою личную вотчину¹⁹⁴. Гамбург оправдал свою репутацию опасного революционного гнезда, показав минимальный уровень поддержки Гитлера на референдуме, прошедшем в ноябре 1934 г. после смерти Гинденбурга. Но в целом власти Рейха оставались непреклонными. После декабря 1933 г. на создание рабочих мест денег больше не выделялось. Более того, начиная с весны 1934 г. выделявшиеся Рейхом субсидии на местные проекты по созданию рабочих мест были урезаны на одну шестую, к ужасу местных должностных лиц, всячески старавшихся сократить официальную численность безработных¹⁹⁵. К маю рейхсканцелярия была завалена тревожными обращениями со стороны активистов движения за создание рабочих мест, включая гауляйтера Восточной Пруссии Коха, опасавшихся того, что их прошлогодние достижения могут оказаться под угрозой¹⁹⁶.

Но эти воззвания остались тщетными. К весне 1934 г. баланс приоритетов уже необратимо изменился. В столице уже не было секретом, что создание гражданских рабочих мест уже не рассматривается в качестве важнейшей задачи. Как докладывала побывавшая в Берлине гамбургская делегация, «В определенном смысле создание рабочих мест будет продолжено летом [1934 г.] на основе планируемых военных мероприятий. Но по очевидным причинам об

¹⁹² P. Schulz, *Nicht die Zeit, um auszuruhen: Dokumente und Bilder zur Geschichte der hannoverschen Arbeiterbewegung* (Hanover, 1990), 469-70.

¹⁹³ BAL 4311537, 99.

¹⁹⁴ Silverman, *Hitler's Economy*, 82-4.

¹⁹⁵ BAL 431 537, 161.

¹⁹⁶ См. резюме их опасений в: BAL 431 537, 208.

этом не может быть объявлено публично»¹⁹⁷. В апреле 1934 г. механизм секретного финансирования перевооружения работал на полную мощность. Векселя *Mefo* выпускались на миллиардные суммы. Бухгалтерия велась кое-как. Однако в 1934 г. военные расходы приблизились к 4 млрд рейхсмарок, из которых в официальном бюджете Рейха фигурировало менее половины. Это означало, что на второй год пребывания Гитлера у власти военные расходы уже составляли более 50 % расходов центрального правительства на товары и услуги. В 1935 г. доля военных расходов выросла до 73 %¹⁹⁸. В то же время эффектное провозглашение «Битвы за рабочие места» в марте 1934 г. точно совпало с пиком усилий по созданию рабочих мест. В соответствии с официальными данными по рынку труда численность всех, кто получил работу благодаря какому-либо из механизмов по созданию рабочих мест, выросла с 289 тыс. в феврале 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, до 1075 тыс. в марте 1934 г., то есть почти на 800 тыс. человек¹⁹⁹. За то же самое время безработица снизилась более чем на 2,6 млн человек. Таким образом, механизмы по созданию рабочих мест в момент их наиболее активного использования отвечали за сокращение официального числа безработных на 30 %. Как мы видим, даже тогда, когда эти инструменты применялись наиболее широко, благодаря им была создана меньшая часть всех новых рабочих мест. Начиная с весны 1934 г. число участников новых программ в среднем сократилось до 700 тыс. человек, постепенно уменьшаясь на протяжении 1935 г. Мы приходим к неизбежному выводу: несмотря на восторги пропагандистов, сопровождавшие возобновление «Битвы за рабочие места» в 1934 г., по сути, она в лучшем случае внесла лишь небольшой вклад в снижение числа безработных.

К 1934 г. общее возрождение германской экономики явно вышло далеко за пределы грязных строительных площадок, возникших в рамках «Битвы». Чтобы разобраться в силах, стоявших за этим подъемом, следует более тщательно изучить доступный статистический материал. Благодаря множеству инноваций в экономической статистике, разработанных при поддержке Веймарской республики, на основе источников того времени мы можем нарисовать весьма всеобъемлющую картину главных компонентов германской экономики в период восстановления²⁰⁰. У нас имеется возможность проследить хронологию не только государственных расходов, но и частных инвестиций. Вычтя эти цифры из данных по национальному доходу, можно также оценить потребление домохозяйств.

Несомненно то, что и в 1933, и в 1934 г. полным ходом шло «естественное» выздоровление германского делового сектора. В 1933 г. важнейшей движущей силой восстановления служили инвестиции – главным образом в наращивание основного капитала. Первые признаки этого подъема стали основой для странной волны оптимизма, охватившей Веймарскую республику незадолго до ее кончины²⁰¹. После 1933 г. государственная политика оставила такой глубокий отпечаток на эволюции экономики, что все разговоры о продолжении «естественного выздоровления» становятся в какой-то степени спекулятивными. Мы не можем знать хотя бы с минимальной уверенностью, что произошло бы в том случае, если бы у власти находилось другое правительство.

ТАБЛИЦА 2.

Статистика экономического роста в нацистской Германии

¹⁹⁷ Wulff, *Arbeitslosigkeit*, 125.

¹⁹⁸ На основе цифр из: A. Ritschl, «Deficit Spending in the Nazi Recovery, 1933–1938: A Critical Reassessment», *Working Paper* No. 68, Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich (December 2000), table 5.

¹⁹⁹ Silverman, *Hitler's Economy*, 253–4.

²⁰⁰ J. A. Tooze, *Statistics and the German State 1900–1945: The Making of Modern Economic Knowledge* (Cambridge, 2001).

²⁰¹ См.: H. A. Turner, *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933* (New York, 1996), 1–2.

	1932	1933	1934	1935
ВВП в ценах 1913 г.	43,1	46,3	51,5	57,8
военные структуры Рейха	0,3	0,5	2,9	5,5
гражданские структуры Рейха	1,3	2,1	2,8	2
местные власти	4,7	5,5	5,7	5,2
частное потребление	39	37,6	38,2	40,5
частные инвестиции	1,1	3,6	5,5	7
иностранные счета	-3,2	-2,9	-3,6	-2,4
Ежегодные изменения ВВП и компонентов спроса, млрд рейхсмарок				
ВВП		3,2	5,2	6,2
военные структуры Рейха		0,1	2,5	2,6
гражданские структуры Рейха		0,9	0,7	-0,8
местные власти		0,8	0,2	-0,5
частное потребление		-1,5	0,6	2,3
частные инвестиции		2,5	2	1,5
иностранные счета		0,4	-0,7	1,1
Доля роста ВВП, %				
военные структуры Рейха		4,2	47	41,6
гражданские структуры Рейха		27	13,1	-13,1
местные власти		24,6	4,1	-7,4
частное потребление		-45,9	11,7	37,1
частные инвестиции		79	37,4	23,6
иностранные счета		11,2	-13,4	18,2
Общий вклад госсектора		55,7	64,3	21,1
Общий вклад частного сектора		44,3	35,7	78,9

Источники: A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002), appendix; A. Ritschl, «Deficit Spending in the Nazi Recovery, 1933–1938», Working Paper No. 68, Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich (December 2000).

Однако статистика указывает на продолжавшийся рост германской деловой активности. Вполне разумно предположить, что серьезное восстановление экономики могло произойти даже при отсутствии государственного вмешательства – как это случилось после первого крупного кризиса Веймарской республики в 1925 г.²⁰² В 1933 г. частные инвестиции и в строительство, и в наращивание основных фондов внесли наиболее крупный вклад в восстановление экономики. Об этом свидетельствуют сведения о крупном приросте занятости в производстве чугуна и стали, металлообработке, промышленности строительных материалов и текстильной отрасли. Однако в первые шесть месяцев пребывания Гитлера у власти это выздоровление в деловом секторе компенсировалось резким сокращением реальной стоимости потребления домохозяйств. И даже в 1934 г., когда можно было бы ожидать, что выздоровление на рынке труда станет мощным стимулом к росту потребления – согласно знаменитому предсказанию кейнсианцев о том, что расходы на создание рабочих мест влекут за собой «эффект домино», – на самом деле оно внесло очень скромный вклад в общий экономический подъем²⁰³. Хотя мы не можем сколько-нибудь точно измерить потребление, этот пессимистический вывод подтверждается и другими показателями – такими, как индексы оборота в розничной торговле²⁰⁴. Продажи продовольствия, одежды и прочих товаров, необходимых домохозяйствам, начали заметный рост лишь через полгода после прихода Гитлера к власти. И это едва ли удивительно, если

²⁰² Такой же вывод делается в: James, *German Slump*, C. Buchheim and R. Garside (eds.), *the Slump: Industry and Politics in 1930s Britain and Germany* (Frankfurt, 2000) и в: A. Ritschl, *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934* (Berlin, 2002). After

²⁰³ По этой причине я не вижу смысла тратить время на длительную дискуссию об эффекте мультипликатора. Как хорошо понимали уже современники, гитлеровское экономическое возрождение было каким угодно, но только не кейнсианским; см.: C. Bresciani Turrone, «The „Multiplier“ in Practice: Some Results of Recent German Experience», *Review of Economic Statistics*, 20 (1938), 76–88.

²⁰⁴ Проблематичность оценки расходов на потребление является главным источником расхождений при интерпретации процесса восстановления экономики между работой Ritschl, *Krise und Konjunktur* и исследованиями, основывающимися на данных из: W. G. Hoffmann, *Das Wachstum der deutschen Wirtschaft* (Heidelberg, 1965), 617–705. Здесь я опираюсь на цифры Ричля. Они показывают, что потребление снижалось в первой половине 1933 г. и начало расти лишь во второй половине того же года, после чего на смену росту пришла стагнация 1934 г.

иметь в виду, что реальный заработок многих трудящихся в 1933 г. очень резко сократился, так как ставки зарплаты застыли на одном месте, а стоимость продовольствия начала расти. Этот запоздалый рост потребления не укрылся от современников. Зимой 1933–1934 гг. по всей стране, особенно в Рейхсминистерстве экономики, наблюдалась сильная озабоченность тем, что восстановление к тому моменту так и не привело к реальному росту покупательной способности домохозяйств²⁰⁵. Более того, принимая в конце 1933 г. решение больше не планировать никаких государственных расходов на создание рабочих мест, рейхсминистерства отчасти пошли на это – потому, что хотели, чтобы в 1934 г. восстановление экономики проходило в большей степени не за счет финансируемых государством землекопных работ, а за счет оживления частного потребления.

Поскольку снижение потребления компенсировало рост инвестиций, на частный спрос в целом приходилось менее половины прироста совокупного спроса и в 1933, и в 1934 г. Таким образом, за гитлеровским экономическим возрождением с самого начала стоял главным образом госсектор²⁰⁶. Более того, ясно и то, что в 1933–1934 гг. радикально изменились приоритеты германского государства. В 1933 г. явным новшеством были расходы на создание гражданских рабочих мест, позволившие увеличить потребление и на местном, и на национальном уровнях. Гражданские расходы Рейха продолжали активно возрастать и в 1934 г. Но при этом часто забывают, что взамен этого начиная с 1934 г. на режим жесткой экономии были переведены местные власти. В значительной степени Рейх тратил на создание рабочих мест те деньги, которые могли бы достаться местным властям. Именно в это на практике вылилось данное Гитлером 1 февраля 1933 г. обещание упорядочить отношения между Рейхом и местными властями. Спонсировавшееся государством восстановление экономики шло рука об руку с беспрецедентной централизацией государственных расходов, основные плоды которой доставались армии²⁰⁷. К 1935 г. реальный ВВП Германии вернулся примерно на тот же уровень, на котором он находился в 1928 г. Несомненно, восстановление произошло быстро. Но своими темпами оно не слишком превышало восстановление экономики в США, за которым стоял совершенно иной набор политических мер. Кроме того, в данном случае восстановление происходило не быстрее, чем после первой сильной рецессии, поразившей Веймарскую республику зимой 1926–1927 г., когда 12 месяцев экономика страны росла такими темпами, какие никогда не наблюдались при Третьем рейхе²⁰⁸. Поэтому вполне можно себе представить аналогичное быстрое восстановление даже при совершенно ином политическом режиме. В таком строго контрфактуальном смысле нельзя утверждать, что «причиной» германского экономического возрождения являлась нацистская экономическая политика²⁰⁹. Однако бесспорно то, что реально произошедшее возрождение носит на себе четкий отпечаток власти НСДАП. В 1935 г. частное потребление по-прежнему было на 7 % ниже того уровня, на котором оно находилось до депрессии, а частные инвестиции – на 22 % ниже. Напротив, государственные расходы увеличились на 70 % по сравнению с уровнем 1928 г. и этот прирост был почти полностью обязан

²⁰⁵ Gossweiler, Die Rohm Affare, 342-7; это подтверждается в: BAL R2501 6510 и R31019932.

²⁰⁶ По причине неверной интерпретации данных автор работы: H. James, «Innovation and Conservatism in Economic Recovery: The Alleged „Nazi Recovery“ of the 1930s», in T. Childers and J. Caplan (eds.), *Re-evaluating the Third Reich* (New York, 1993), 114-38, заходит слишком далеко в отрицании какого-либо значения импульса, который в 1933 и 1934 г. придавала экономике фискальная политика. В работе: R. L. Cohn, «Fiscal Policy in Germany during the Great Depression», *Explorations in Economic History*, 29 (1992), 318-42, приводятся более верные оценки.

²⁰⁷ Произведенная Ричлем переоценка государственных счетов и значений ВВП опровергает те интерпретации нацистского экономического возрождения, согласно которым государство тратило деньги в первую очередь на создание гражданских рабочих мест, а не на перевооружение. Самыми заметными примерами этого направления являются работы: R. Overly, *The Nazi Economic Recovery 1932–1938* (Cambridge, 1996), и C. W. Guillebaud, *The Economic Recovery of Germany: From 1933 to the Incorporation of Austria in March 1938* (London, 1939). Остается открытым вопрос о том, какую роль сыграла государственная политика при восстановлении экономики, но не о расстановке приоритетов в рамках политики перевооружения.

²⁰⁸ Ritschl, *Krise und Konjunktur*, appendix C. q.

²⁰⁹ Такая очень строгая проверка причинно-следственных связей производится в: Ritschl, «Deficit Spending».

военным расходам. Что касается центральной власти, нет сомнений в том, что перевооружение стало ее главным приоритетом уже к началу 1934 г. С 1933 по 1935 г. доля военных расходов в германском национальном доходе, составлявшая менее 1 %, выросла почти до 10 %. Столь масштабного перераспределения общего национального продукта за такой короткий промежуток времени никогда прежде не происходило ни в одном капиталистическом государстве в мирное время. Результат произведенных всего за три первых года гитлеровского правления расходов на сумму в 10 млрд рейхсмарок, доставшихся сплоченному военно-промышленному комплексу, был грандиозным. Согласно оценкам того времени, уже в 1935 г. производством различной продукции, «не предназначенной для продажи», занималось до четверти немецкой промышленности²¹⁰. И в 1934 г. последствия такой резкой перестройки германской экономики вылились в первый реальный кризис при новой власти.

²¹⁰ М. Geyer, «Zum Einfluss der Nationalsozialistische Riistungspolitik auf das Ruhrgebiet», *Rheinische Vierteljahresblätter*, 45 (1981), 2, 55.

3. В отрыв

Летом 1934 г. всем, кроме самых снисходительных иностранных наблюдателей, стало очевидно, что гитлеровское правительство не может быть названо «нормальным». К тому времени уже в течение нескольких месяцев было ясно, что положение режима становится все более шатким²¹¹. Массы рядовых штурмовиков (СА) возмущались тем, что «их» правительство так и не осуществило полномасштабную популистскую, националистическую и антисемитскую революцию. На другом краю гитлеровской коалиции экс-канцлер Франц фон Папен и его аристократическое окружение были обеспокоены признаками того, что им казалось «плебейским вырождением». Но самые большие опасения вызывало то, что СА и армия вели друг с другом ожесточенную борьбу по поводу программы перевооружения. Вождь СА Эрнст Рем представлял себе перевооружение Германии как массовую мобилизацию нации, но подобные идеи вызвали крайнюю неприязнь у профессиональных военных. Сам Гитлер четко обозначил свою позицию в феврале 1934 г., навязав «соглашение», ограничивавшее активность штурмовиков²¹². Но штурмовики демонстративно продолжали свои «ополченческие» экзерсисы. К маю 1934 г. их поведение стало настолько вызывающим, что Гитлер приказал штурмовикам уйти в коллективный «отпуск» на весь июнь. Единства не было и среди руководства самой НСДАП. Геринг и Гиммлер интриговали против Рема, а Геббельс боготворил штурмовиков и мечтал об окончательном сведении счетов с «реакционерами». Однако решающим фактором стала армия. 21 июня президент Гинденбург и министр обороны Бломберг потребовали от Гитлера привести «революционных смутьянов <...> в чувство». Они пригрозили, что в противном случае армия введет военное положение, а Гинденбург объявит об окончании «гитлеровского эксперимента». Окончательное решение было принято 28 июня, на празднествах по случаю свадьбы гауляйтера Йозефа Тербовена, проходивших в Эссене, в самом сердце Рура. Гитлер взял на себя личную ответственность за чистки. По его приказу ранним утром 30 июня 1934 г. на курорте Бас-Висзее под Мюнхеном были арестованы и впоследствии казнены ведущие фигуры СА. Между тем в Берлине Геббельс и Геринг занялись «реакционерами». Эсэсовцы ворвались в канцелярию фон Папена и застрелили его секретаря. Остальные подчиненные Папена были арестованы. Самого Папена пощадили только потому, что было неудобно ликвидировать действующего члена германского правительства. Другим повезло меньше. Генерал Шлейхер, бывший канцлер республики и глава рейхсвера, был убит вместе с женой. Грегора Штрассера, архитектора проводившейся Нацистской партией политики по созданию рабочих мест, уже изгнанного из партии в декабре 1932 г. за интриги с участием Шлейхера, убили в Берлине. Достоверно известно, что жертвами «Ночи длинных ножей» всего стало 85 человек. Но в реальности их число может достигать 200.

За пределами Германии вести об этих расправах, санкционированных властями, были встречены с ужасом и недоверием. Стало ясно, что гитлеровский режим не проявляет никакого уважения к элементарным нормам законности. И через несколько недель после «Ночи длинных ножей» это впечатление было подтверждено еще одним возмутительным проявлением нацистского насилия²¹³.

²¹¹ Я опираюсь в основном на: I. Kershaw, *Hitler 1889–1936: Hubris* (London, 1998), 499–519, и K. J. Müller, *Armee und Drittes Reich 1933–1939* (Paderborn, 1989), 652–70.

²¹² Текст этого соглашения см. в: Müller, *Armee und Drittes Reich*, 192–5.

²¹³ Weinberg, *Foreign Policy I*, 87–107.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.